

П.КОРНЕВ

ЭПИЦЕНТР

Павел Николаевич Корнев

Эпицентр

Серия «Резонанс», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66486442*

Аннотация

Тебе нет и восемнадцати, а кобура на поясе уже становится привычной пенала, в ранце за спиной вместо учебников запасные диски к пулемёту, да и в кармане отнюдь не студенческий билет, но удостоверение бойца ОНКОР. И даже так ты продолжаешь учиться. Каждый день учишься заводить знакомства и поддерживать отношения, лгать и расставлять приоритеты, драться и управлять мотоциклом. Но самое главное – работать со сверхэнергией.

Ведь ты – оператор. И пусть инициация прошла не так гладко, как того бы хотелось, стартовая позиция отнюдь не ставит крест на твоих перспективах; придётся лишь проявить чуть больше упорства. А как иначе? Дорога к могуществу не усыпана лепестками роз, к месту под солнцем продираются сквозь тернии.

А что не знаешь, кому можно доверять, а кто выстрелит в затылок, – такова жизнь. Грядут глобальные потрясения, и каждый спешит подтасовать в свою пользу колоду. Диверсанты

и саботажники, агенты влияния и уголовный элемент – место в большой игре найдётся решительно всем. Даже тебе.

Содержание

Часть первая: Социализация	5
Глава 1	5
Глава 2	47
Глава 3	87
Глава 4	145
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Павел Корнев

Эпицентр

Часть первая: Социализация

Глава 1

Утро. Встречный ветер. Краешек солнца над горизонтом. Скорость, рокоток движка, тряска на неровной грунтовке. Пыль.

Я – в кожаном плаще, танковом шлеме и мотоциклетных очках с каждой минутой уношусь всё дальше и дальше от комендатуры. Не сбегая – вовсе нет! – но отбываю к новому месту несения службы. Пояс оттягивает кобура, в держателе закреплён ППС, в люльку сгружены фанерный чемоданчик с личными вещами и мешок с прочими пожитками. Во внутреннем кармане – полный пакет документов. В голове – сумбур.

Паника отступила, но и душевного спокойствия не прибавилось ни на грош.

Я убил человека. Я – убил.

И если морально-этическая сторона вопроса сейчас волновала мало – урод сам напросился! – то от ожидания неми-

нуемых или как минимум вполне возможных юридических последствий натуральным образом крутило потроха.

И это ещё повезло, что к моменту моего отъезда из расположения не только не обнаружили бездыханного тела Казимира, но и вроде бы даже не заметили его отсутствия в медсанчасти. По крайней мере, никаких видимых мер по розыску ушедшего в самоволку курсанта или его убийц пока что не предпринималось.

За ночь я и глаз не сомкнул – всё ворочался, ворочался и ворочался в ожидании решительного топота, стука распахнувшейся двери, приказа одеваться и шагать на выход. И утром, когда получал у старшины командировочное удостоверение и учётную книжку, собирал вещи, прощался с Василем и Варей, напряжение тоже не отпускало ни на миг. Но тогда это были ещё цветочки – вот пока ехал от автохозяйства до контрольно-пропускного пункта, аж взмок весь; так и казалось, что на КПП развернут и отправят на допрос. Но не развернули и не отправили.

Предъявил документы, вывернул на дорогу и лишь там, такое впечатление, начал дышать полной грудью. Глупость, конечно, полнейшая. И не то глупо, что задержания боялся – реально могли и допросить, и на гауптвахту до завершения расследования законопатить, – глупо было расслабляться, просто за ворота выехав. Как выехал, так и обратно заеду, если подозрения в моей причастности к гибели Казимира возникнут.

И всё же напряжение отпустило сразу, как только шлагбаум за спиной опускаться начал. Умом понимаю, что ничего ещё не кончено, да только нервной системе на все доводы разума плевать с высокой колокольни.

Вывался? Вывался!

Отсюда и подсознательное желание прибавить скорость. Но сдержался, не лихачил и ручку газа до упора не выкручивал. На выезде пришлось остановиться у пропускного пункта, крышу которого венчала солидная мачта антенны. Сонный младший сержант без особого интереса изучил направление, вернул бумаги и пообещал дать знать о моём выдвижении на Кordon.

– Проезжай! – махнул он рукой, зевнул и скрылся в караулке.

Я и поехал и уж больше не сдерживался, прибавил скорость, подставил лицо встречному потоку воздуха, выкинул из головы страхи и опасения.

Всё! Погнали!

Ждали меня километрах в пяти от города. Дорога там поднималась на небольшой пригорок, а только я перевалил через него и покати́л вниз, на глаза сразу попался припаркованный у обочины двухдверный автомобиль со сложенной крышей. Не легковой вездеход отдельного научного корпуса и не патрульная полицейская машина, обычный автомобиль без стилизованной схемы атома на дверцах или таблички «По-

лиция» за лобовым стеклом, но сердце так и забилося.

Рядом с малолитражкой стоял Альберт Павлович.

Институтский консультант требовательно вскинул руку, и я сбросил скорость, прижался к обочине, стянул с головы танковый шлем.

– Ну и что ты творишь, Пётр?

Резкий вопрос заставил растерянно захлопать глазами; мысли в голове так и заметались.

О чём это он? О чём, о чём, о чём?!

Усилием воли я подавил нервную дрожь и взял эмоции в узду.

Это ведь не задержание по подозрению в убийстве! Точно – не задержание! Слишком странное место, да и с чего бы Альберту Павловичу чужую работу выполнять? Едва ли это соответствует его принципам!

Быть может, раздражение вызвала моя командировка? Но это же глупо! Послали – и поехал, а как иначе-то? Какие ещё могут быть варианты?! Или дело в том, что не изыскал возможности заблаговременно уведомить о полученном назначении? Так я и сам не знал! А как узнал – сразу капитану Городцу доложил. Ко мне какие претензии?

Я сглотнул и спросил:

– А что такое, Альберт Павлович?

– У тебя в направлении пункт назначения какой указан? – последовал новый неожиданный вопрос. – «Сорок шестой километр», так?

– Так.

– А на инструктаже что касательно остановок говорили?

– Только по требованию уполномоченных сотрудников
ОНКОР...

Консультант РИИФС развёл руки в стороны.

– Я похож на уполномоченного сотрудника корпуса? Нет?
Ну и что ты творишь, Петя? Жить надоело?

У меня натуральным образом голова кругом пошла.

– Но вы же...

– Заруби себе на носу: любая остановка в пути чревата тем, что тебя прикончат, а техника, оружие, форма и документы окажутся в руках иностранных диверсантов или местных саботажников. Эпицентр – зона повышенного внимания, тут оперативная обстановка будто на фронте.

– Понял, – ответил я, впрочем, не слишком-то уверенно.

Альберт Павлович жёстко глянул в ответ и резко сменил тему разговора.

– Мышка зачем убил?

Я успел уверить себя в том, что опасность миновала, поэтому округлил глаза в совершенно естественном, без малейшего наигрыша изумлении. Но вот высказался уже вполне осознанно, в нужном ключе, не позволив шоку сдавить до сих пор нывшую гортань и признать своим нелепым молчанием вину.

– Да как – убил? – возмутился я. – Подумаешь, приложил дубинкой по голове! Большое дело! На днях с ним виделся.

Живёхонек!

– О дубинке мы ещё поговорим! – отрезал консультант. – А убили курсанта Казимира Мышека, судя по температуре тела и трупному окоченению на момент обнаружения, вчера с десяти до одиннадцати часов вечера.

– Убили?! – разыграл я жуткое изумление, но театральными эффектами всё же увлекаться не стал и замотал головой. – Нет, нет, нет! Я в это время уже спал. Да и не ходил я в медсанчасть! Кто бы меня туда пустил?

А в голове – другое. Если Василь не захочет выставять свои отношения с Варей напоказ, то может моё алиби и подтвердить. Но даже если скажет, что я появился позже – тоже нестрашно. Не докажут. Ничегошеньки они не докажут!

Опять же температура тела – показатель не слишком точный, сильно от погодных условий зависит. Ну, мне так кажется...

– Казимир Мышек самовольно покинул и медсанчасть, и расположение. Он был убит за территорией комендатуры.

– Но я-то территорию не покидал! А Казик дурной был, вот и нарвался на неприятности! Подкатил к какой-нибудь барышне и огрёб от её кавалера.

– Он был в больничной пижаме, а значит, ушёл в самоволку с вполне конкретной целью. Вероятно, желая перехватить кого-то, кто покинул расположение раньше него самого.

Вспомнились слова капитана Городца о том, что топить меня он не станет, это придало решимости, и ответил я со

всей возможной уверенностью:

– Ничего об этом не знаю.

Лицо консультанта как-то разом расслабилось, вновь стало добродушно-округлым.

– Неплохо держишься, молодец, – похвалил меня Альберт Павлович и едва заметно улыбнулся, чтобы тут же выставить перед собой указательный палец. – Но! У тебя был конфликт с убитым и нет твёрдого алиби на момент его смерти. Проверка установит и тот, и другой факт в самые сжатые сроки. И пусть в случае с шокером доказать умысел не получится, твоя причастность к убийству сослуживца неминуемо станет одной из двух основных версий случившегося. А значит, с тобой начнут работать и работать всерьёз.

По спине побежали мурашки, но присутствия духа я не потерял и с показной беспечностью пожал плечами.

– Да и пусть!

– Свидетелей нет – это хорошо. Даже если кто-то был в курсе замысла Казимира – это лишь косвенные улики. Дело может решить чистосердечное признание, поэтому не вздумай вестись на уговоры и признаваться в непредумышленном убийстве или превышении пределов необходимой обороны. Ничем хорошим для тебя это не кончится, уж поверь на слово. Особенно учитывая использование сверхсилы.

– Да я...

– Помолчи! – жёстко оборвал меня Альберт Павлович. – Ты не абсолют, не забывай об этом! Пусть никто с кондачка

и не сумеет забраться в твою голову, но, как только станешь основным подозреваемым, а это случится весьма и весьма быстро, следствие без труда получит санкцию на применение спецпрепаратов. И тогда ты расскажешь обо всём сам.

По спине потёк горячий пот; я не выдержал, расстегнул плащ, распахнул его и оттянул прилипшую к груди гимнастёрку.

— Альберт Павлович, вы ведь не просто так затеяли этот разговор, правильно?

Консультант кивнул.

— Есть возможность избавить тебя от допроса под медикаментами, но не в моих принципах оказывать подобные услуги на безвозмездной основе.

Вот так дела! Но капитан Городец и вовсе предупредил, что помогать не станет, а тут хоть поторговаться можно. Наверное...

Я сглотнул, и едва ли судорожное движение кадыка укрылось от собеседника, но — плевать, чистосердечного признания он от меня не дожждётся.

— Не скажу, будто опасаясь допроса с использованием каких-то там препаратов, — осторожно начал я, — но сама его возможность представляется мне крайне обидной несправедливостью. Поэтому если ответная услуга будет не слишком обременительной, конечно же, я ваше предложение приму.

Альберт Павлович рассмеялся.

– Нет, Петя, так дела не делаются. Я и сам пока ещё не знаю, чем ты можешь оказаться полезен и сможешь ли оказаться полезен вообще. Это игра вдолгую.

Я помотал головой.

– И что же тебя смущает? – с лёгким намёком на улыбку спросил консультант.

– Откуда мне знать, что потребуется взамен? Я ведь даже толком не знаю, что связывает вас с корпусом!

– Я – консультант кафедры кадровых ресурсов факультета теоретических изысканий РИИФС. И для тебя этого должно быть вполне достаточно, поскольку разграничить, где заканчивается институт и начинается отдельный научный корпус, порой достаточно... непросто. К примеру, заведующий военной кафедрой имеет чин майора ОНКОР, как и проректор по медицинским вопросам, который совмещает преподавательскую и научную деятельность с руководством медслужбой корпуса. А ректор и вообще возглавляет наблюдательный совет. Если проводить аналогии, он у нас губернатор.

– Вы – не они!

Альберт Павлович устало вздохнул, уселся на водительское сиденье автомобиля, переложил назад с пассажирского места шляпу и сделал приглашающий жест рукой. Тут я колебаться не стал, устроился рядом.

– Видишь ли, Петя, мы живём в непростое время, которое требует непростых решений. Ты политически подкован и должен понимать, сколь всё зыбко и нестабильно. Но

внешние враги республики, их внутренние пособники, реваншисты и реакционеры – это лишь вершина айсберга. Всё много-много сложнее, чем видится со стороны. Идёт незримая борьба за выбор пути развития человечества, и дело вовсе не ограничивается разговорами о неминуемом появлении новой сверхрасы. Евгенические эксперименты по её искусственному выведению начались практически одновременно с открытием феномена сверхэнергии. Всё это может закончиться очень плохо. Сейчас человек способен многого добиться своим трудом. При наличии таланта, упорства и чуточки везения реально достичь любых высот. Но если не переломить ситуацию, то не пройдёт и ста лет, как люди вновь разделятся на первый и второй сорт, только теперь уже без всякой возможности пересечь новые сословные границы. Понимаешь, о чём я?

– Не вполне, – честно сознался я.

– Доступ к сверхэнергии получают лишь избранные. Образуется, если угодно, новое дворянство. И этих уже так просто будет не скovyрнуть. Их личное могущество усилится многократно, любая революция захлебнётся в крови, и никакой научный прогресс ничего исправить не сможет. В то же время мы – за сверхэнергию для всех. Одни во всём мире, подумай об этом.

– Мы – это кто?

– Институт. Корпус. Политики, военные и чиновники, разделяющие наши воззрения, – ответил Альберт Павло-

вич. – И не думай, будто я сгущаю краски, ситуация и в самом деле критическая. Сколько было аристократов в империи – один из ста или около того? Множество их уехало из страны после революции, но знаешь ли ты, что десять процентов операторов из дворян? А всего через «Общество изучения сверхэнергии» проходит каждый пятый соискатель. Каждый пятый, подумай только!

Мне было откровенно не до того, но масштабы проблемы я осознал и принял.

– Реваншисты не испытывают проблем с финансированием, их подопечные с самого раннего детства живут в непосредственной близости от Эпицентра и проходят соответствующую подготовку. Это не гарантирует стопроцентную результативность, но она много выше среднего. А по стране, особенно в крестьянской среде, идёт оголтелая пропаганда, призывающая не пускать детей на инициацию. Каких только нелепостей не сочиняется на этот счёт, но люди-то верят! Плюс начинают образовываться настоящие кланы, костяк которых составляют дворянские фамилии и семейства преуспевающих промышленников. Они оплачивают обучение, делятся тайными практиками, вербуют перспективные кадры в обмен на содействие в достижении пика возможностей или связывают кабальными контрактами; сам видел, как это происходит в распределительном центре! Сколько операторов уже попало в зависимость и сколько ещё попадёт? Чьи приказы они станут выполнять? И какие это будут при-

казы, а?

Я вздохнул.

– Альберт Павлович, вы не ответили на мой вопрос.

– Не ответил, – подтвердил тот. – Скажу так: представляемая мною структура в меру своих возможностей препятствует утечке сведений о научных разработках, выявляет вражеских агентов влияния, их пособников, саботажников и вредителей. Мы отделяем зёрна от плевел, выбираем камушки из риса. И действуем полностью в рамках закона, пусть обычно и негласно, задействуя связи в официальных структурах.

– А я?..

– А ты при необходимости окажешь нам содействие. Понятия не имею – какое и когда. Только не расценивай это как кабалу, мы ведь на одной стороне, так?

– На одной, – подтвердил я, тщетно стараясь подавить дрожь в голосе. – На одной...

И это было действительно так. Альберт Павлович говорил правильные вещи, я разделял его устремления и действительно хотел оказаться причастным к чему-то большему, нежели банальное патрулирование улиц.

– Так мы договорились? – уточнил консультант.

– Да, – сказал я после долгой паузы, словно мне и в самом деле предоставили возможность выбирать, а не загнали в угол.

– Об этом разговоре – ни одной живой душе, понял? Даже капитану Городцу не говори. Это наши с тобой дела, его они

не касаются. Понял?

– Понял.

Альберт Павлович протянул руку и попросил:

– Дай учётную книжку.

Я не стал интересоваться, зачем она ему понадобилась, выполнил распоряжение молча. Консультант быстро отыскал нужную страницу, вытянул из кармана перьевую ручку, свинтил с неё колпачок и принялся что-то писать.

– Некоторые люди плохо переносят введенный тебе при подстройке к колебаниям сверхэнергии препарат, а для подавления воли операторам вкалывают его производные. Чаще и вовсе ограничиваются ментальным воздействием, но это не со всеми срабатывает, с тобой не сработает наверняка. Поэтому запоминай: по приезде в распределительный центр ты ощутил головокружение и слабость в ногах, звенело в ушах, стало сложно дышать. В медчасти зафиксировали низкое давление, учащённый пульс и стагнацию дыхательной функции. Дальше – ничего не помнишь. Когда очнулся, врач сказал, что дело в индивидуальной непереносимости препарата. Предложат пройти медикаментозную проверку – отказывайся, имеешь право. Побочные эффекты раз от раза сильнее, может и сердце не выдержать. Всё понял?

Я молча кивнул.

Тогда Альберт Павлович достал с заднего сиденья свой потрёпанный саквояж, расстегнул его и вынул деревянную коробочку со штемпельной подушечкой, а следом и печать.

Поставил оттиск, затейливо расписался – не за себя, от имени заведующего медчастью. И я понял: слово придётся сдержать, а поручение – выполнить. Теперь на крючке: заупрямлюсь, врач мигом открестится от этой записи в учётной книжке. Тогда – конец.

Но не заупрямлюсь, точно нет. И даже не из страха неминуемого возмездия. Просто мне и в самом деле хотелось оказаться полезным.

Консультант вернул учётную книжку и вздохнул.

– Петя, очень тебя прошу: осторожней на трассе, а то не доедешь. Сгинешь где-нибудь по пути.

– Ладно, – пришибленно кивнул я, решив и в самом деле поостеречься.

В конце концов, собеседнику незачем нагонять на меня жуть, а в оперативной обстановке он ориентируется куда лучше моего.

– Ни пуха, Петя!

– К чёрту! – отозвался я, отошёл к мотоциклу и на всякий случай передёрнул затвор пистолета-пулемёта, взведя оружие. Сверхспособности – это здорово, но увеличить дистанцию поражения лишним точно не будет.

Альберт Павлович поднял вверх большой палец, завёл автомобиль и покатил к городу. Ну а я затянул ремешки шлема, толкнул ногой педаль пускового устройства и поехал в противоположном направлении. К Эпицентру и как бы не к новым проблемам...

От Новинска до Кордона – сорок километров по прямой, да и протяжённость дороги лишь немногим больше: трасса почти не отклонялась от восточного направления и виляла из стороны в сторону, лишь огибая какой-нибудь очень уж крутой холм или сворачивая к мосту через овраг с обрывистыми краями.

В целом резкие изгибы и повороты случались не так уж и часто, всё больше гнал и гнал размеренно и спокойно. И вот эта размеренность движения в итоге и стала серьёзной проблемой: ночью глаз не сомкнул и сейчас веки начали опускаться сами собой. Если б не тряска и мощный поток встречного воздуха, точно бы задремал; да и так, несмотря на все предпринимаемые усилия, несколько раз клюнул носом.

Ладно хоть ещё дорога была преимущественно пустой, лишь раз обогнал колонну автобусов в сопровождении двух броневинов и оставил позади группу невесть куда намылившихся велосипедистов. В обратном направлении движение тоже интенсивностью не отличалось: за всё время к Новинску прошло с десятков грузовиков, преимущественно с кабинами защитной окраски и эмблемами ОНКОР на дверцах, да сколько-то телег, которые поленился сосчитать.

Поначалу достаточно часто попадались боковые съезды, а сама трасса преимущественно шла по стыку тайги и степи; я то гнал напрямик через языки леса, то вырывался на открытое пространство. Где-то после шестидесятого километ-

ра начали встречаться мобильные посты, да ещё чуть в стороне от дороги обнаружился основательный опорный пункт с узкими окнами-бойницами и высоченной антенной на крыше.

Меня не остановили ни разу, так бесп проблемно и добрался до Кордона. Документы пришлось предъявить только на въезде в городок. Ну а дальше я покатился по наклонной. Нет – серьёзно. Сначала меня направили к командиру автобронетанкового батальона, но с самим майором увидеться не получилось, его адъютант мельком глянул направление и отфутболил в канцелярию автомобильной роты. Усатый капитан пополнению обрадовался, даже похлопал по плечу, после чего без промедления перепоручил меня бритому наголо лейтенанту лет тридцати на вид, руководившему мотоциклетным взводом.

– Учти, курсанта к обучению пристроить надо, договорись там со всеми, – предупредил он взводного напоследок. – И давай только без формализма, Игорь. Комиссар Хлоб на этот счёт комбату звонил, просил оказать содействие. Говорит, лучшие кадры в ответ на наши слёзные просьбы от сердца отрывает.

– Ну, раз сам комиссар... – протянул командир взвода не раздражённо, а скорее озадаченно, словно обдумывая какую-то неожиданную мысль. – Сделаю в лучшем виде, господин капитан!

Подозреваю, столь официальный тон общения был тут не

в ходу, поскольку усач сурово насупил брови и даже пригрозил подчинённому пальцем. Смысл этой пантомимы остался для меня загадкой, да и некогда было на этот счёт голову ломать, нас отпустили, а в приёмной взводный не удержался от тяжёлого вздоха.

– На полставки, значит. Ну-ну... – Он указал на мой шеврон и покрутил пальцем. – Избавься от этого безобразия, рядовой.

Я сообразил, что речь идёт о нашитой букве «К», и отошёлся:

– Будет исполнено, господин лейтенант!

– Как оформишься, приезжай в гараж. Обсудим твоё обучение.

– Будет...

Командир взвода только рукой махнул.

– Да брось ты глотку драть, – и ушёл.

Ну а я озадаченно хмыкнул, поправил ремень свисавшего с плеча пистолета-пулемёта и отправился оформлять документы. На всё про всё ушло около часа, в итоге у меня изъяли курсантское удостоверение и вручили взамен новое, согласно которому теперь я числился рядовым автобронетанкового дивизиона ОНКОР.

Ну и нормально. Всяко лучше, чем в комендатуре работать. Разве плохо мотоциклистом быть? Да ничуть! Не придётся к людям на улицах цепляться и пьяных успокаивать, а чем предстоит заниматься... Тут я озадаченно поскрёб заты-

лок, поскольку круг своих грядущих обязанностей не представлял даже близко.

И ещё мелькнула мысль, что при таком везении следующим местом моего пребывания запросто может стать дисциплинарный батальон, а то и обычная тюрьма, но задавил её, выкинул из головы. Разговор с Альбертом Павловичем подарил надежду на лучшее будущее. Обязательства обязательствами, душу грел сам факт того, что кто-то во мне заинтересован. И не просто кто-то, а те, с кем мне и самому хотелось вести дела.

Да! Я и вправду надеялся оказаться причастным к защите интересов республики, желал стать полезным правому делу, а не просто день за днём тянуть лямку опостылевшей службы. Альберт Павлович говорил правильные вещи. Кто-то должен дать отпор оголтелым реваншистам и зарвавшимся капиталистам, будет здорово, если к этому привлекут и меня. Пожалуй даже, у меня появился новый приоритет.

На выходе я справился у курившего перед крыльцом младшего сержанта, где базируются мотоциклисты, завёл движок своего железного коня и покатил по городку, застроенному преимущественно двухэтажными зданиями – домов выше трёх этажей, за исключением госпиталя, на глаза не попало. И не так уж редко встречались на улицах люди в штатском; впрочем, в разгар рабочего дня праздных прохожих на улице вообще было немного.

Территорию автомобильной части огораживал высокий

забор с колючей проволокой поверху, но ворота стояли распахнутыми настежь, их перекрывал лишь опущенный шлагбаум. Пришлось остановиться и предъявить караульным удостоверение, и даже так заехать разрешили только после того, как сержант отыскал выписанный на моё имя пропуск.

– Новенький, значит? – без особого интереса уточнил он и махнул рукой. – Поднимай!

Шлагбаум дрогнул и пошёл вверх, я выждал миг и покатил дальше. Сразу у въезда рядами стояли грузовики, обычные и с установленными в кузовах крупнокалиберными пулемётами. Немного дальше прятались от солнцепёка под навесами броневики, а за ними – глазам своим не поверил! – разместили полтора десятка танков, часть из которых была на гусеничном, а часть на колёсном ходу.

Наш взвод занимал дальний угол, мотоциклы стояли под открытым небом, лишь два оказались загнаны в гараж. Хотя, судя по их состоянию, это и не гараж был вовсе, а ремонтная мастерская.

Я заглушил движок, перебросил через руку плащ, повесил на плечо пистолет-пулемёт и прошёл в ангар, где два мужичка в синих рабочих комбинезонах возились с мотоциклом, пол вокруг которого пестрел лужицами машинного масла. Основное помещение оказалось в два этажа, под потолком была закреплена лебёдка, а правую часть здания отгородили и разделили на отдельные комнатухи.

– Здравствуйте! А как мне увидеть лейтенанта... – Тут я

запнулся, не сразу припомнив фамилию командира взвода. – Лысуху?

Мужички отвлеклись и окинули меня внимательными взглядами, затем посмотрели на оставленный на улице мотоцикл, а после один с хмурым видом выдал:

– Как, как... Глаза разуй и увидишь!

– Век бы его не видеть, – буркнул второй.

И тут откуда-то сверху послышался окрик:

– Поговорите мне ещё!

Первый техник сплюнул и вернулся к осмотру разобранного движка, другой досадливо отмахнулся промасленной тряпкой и присел рядом. Я поднял взгляд и увидел лейтенанта, перегнувшегося через ограждение второго этажа.

– И чем ты вообще недоволен, Михалыч? Вон, пополнение прислали со своим транспортом, и мотоцикл не рухлядь какая-нибудь, которой сто лет в обед, а на ходу. Осмотрите его, только не вздумай запасные части на всякое старьё менять! А то я вас знаю!

Морщинистый дядька выпрямился, вытер ладони тряпкой и протянул руку.

– Давай ключи, молодой. Посмотрим твой драндулет.

Я озадаченно глянул на лейтенанта, тот кивнул и скомандовал:

– Поднимайся!

Тогда уж я колебаться не стал, отдал ключи и двинулся по сваренной из железных прутков лестнице на второй этаж.

Откуда-то из дальнего конца коридора доносился размеренный стук, но туда идти не пришлось, командир взвода помахал мне рукой от распахнутой двери небольшой комнатушки с письменным столом, креслом и парой стульев для посетителей, в правой стене которой было проделано небольшое окно.

– Направления давай, – протянул руку лейтенант и указал на один из стульев. – Садись.

Сам он устроился на низком подоконнике, достал портсигар и спички, закурил, выдул на улицу струю табачного дыма. После зажал папиросу в уголке рта и принялся разбирать мои бумаги.

– Ага, стажировка, – пробормотал он, пыхнув дымом. – Не проблема, наставником обеспечу. Развитие сверхспособностей – это в учебную часть. Госпиталь, третий кабинет. Сам договоришься, не маленький.

Я поднялся со стула, забрал учётную книжку и остался стоять в ожидании продолжения.

– Остаются физическая и стрелковая подготовка, а ещё рукопашный бой... – Командир взвода глубоко затянулся, потом вдавил окуроч в пепельницу, выдохнул дым на улицу и соскочил с подоконника. – Попробую тебя к одной из групп новобранцев пристроить, индивидуально натаскивать никто не возьмётся.

Он выбрал из стопки направлений ордер на заселение в общежитие и вручил его мне, потом двинулся на выход и

позвал за собой:

– Идём, с коллективом познакомлю.

Короткий коридор привёл нас в дежурку, где было так накурено, что сизый табачный дым буквально плавал в воздухе, несмотря на два распахнутых настежь окна. У меня даже глаза разбежались, не в силах ни одномоментно охватить всю картинку разом, ни сосредоточиться на какой-либо отдельной детали, – очень уж своеобразной оказалась тут обстановка.

В дальнем конце помещения рядом со столом для игры в пинг-понг размеренно «набивал» футбольный мяч, не позволяя тому упасть, коротко стриженный и подтянутый рядовой лишь на год или два старше меня. В соседнем углу было проделано отверстие в полу; с помощью спускового столба можно было очутиться на первом этаже буквально в мгновение ока. У стен, помимо длинных низких лавок и потёртого диванчика, обнаружилась ещё и больничная кушетка с подушкой и покрывалом, а по центру стоял круглый стол, за которым играли в карты три бойца. Самому старшему из них я навскидку дал лет сорок пять, самый младший не тянул и на половину этого возраста, а последний из картёжников выглядел ровесником взводного.

Именно этот белобрысый, мясистый и широкий в кости сержант и отпраповал:

– Господин лейтенант, за время дежурства происшествий не случилось!

– Принимай пополнение, – распорядился командир взвода и обратился уже ко мне: – Поступаешь в распоряжение сержанта Козодоя. Как заселишься, дуй в учебную часть, оттуда сразу ко мне. Пока прикину, к кому тебя пристроить. – Он задумчиво помахал листками, затем глянул на дядьку с нашивками прапорщика. – Данила Сигизмундович, а не подскажешь, чего на меня техники волком смотрят? Что там опять случилось?

Прапорщик бросил карты, затушил папиросу и поднялся из-за стола.

– А вот сейчас и узнаем.

Офицеры покинули дежурку, тогда сержант со значком «Отличный шофёр» на гимнастёрке перевернул скинутые Даниилом Сигизмундовичем карты и беззлобно ругнулся.

– Везучий сукин сын!

После он перевёл взгляд на меня, и я поспешил представиться:

– Рядовой Пётр Линь!

Сержант кивнул и указал на темноволосого ефрейтора, откровенно недовольного внезапным окончанием партии.

– Иван Черепица. – Следом представил так и продолжавшего набивать мяч рядового: – А это Вова Жук – наша гордость, форвард батальонной сборной. Поговаривают, на следующих соревнованиях вызовут в дивизионную команду.

Белобрысый футболист приветственно помахал рукой и счёл нужным отметить:

– Вызвать – вызовут, да только кто ж меня отпустит?

– Осенью могут и отпустить, – обнадежил его сержант. –

Ну а я Захар, фамилия моя Козодой. Будешь в третьем отделении, график дежурств и выездов немного позже согласую, но скажу сразу – кататься к Эпицентру на первых порах придётся чаще остальных. Не дело стажёру штаны в дежурке протирать, сам понимать должен.

– Да я не против, господин сержант.

– Давай без господ, – поморщился Козодой. – Тут все свои.

– Хорошо.

– Тебя из комендатуры к нам?

– Ага. Даже курсы не успел окончить.

– Инициацию на каком витке прошёл?

Неудобный вопрос заставил напрячься, но виду я не подал и ответил без заминки:

– На девятом.

Как ни странно, сержант явственно обрадовался.

– В масть! Как раз экипаж девяток водителем не укомплектован.

Вова поймал мяч рукой, вытер выступившую на лице испарину и спросил:

– В футбол играешь?

– Не-а. Говорят, не из того места ноги растут, – честно сознался я.

– А в преферанс? – уточнил Иван Черепица, собрав все

карты в колоду. Был он смуглым и чернявым, невысоким и жилистым; двигался отрывисто и резко, словно заводная игрушка. Тёмные глаза глядели остро и жёстко.

Я в ответ покачал головой.

– Придётся научиться, – буркнул ефрейтор.

Сержант Козодой хлопнул меня по плечу и рассмеялся.

– Да ты не бойся, играем не на деньги, а на очерёдность выездов в дежурную смену. Ладно, идём шкафчик покажу. Короче, Ваня, ты за старшего.

Захар шагнул было к спусковому столбу, но оглянулся на меня, покачал головой и повёл к лестнице. На первом этаже я забрал из коляски мотоцикла чемоданчик и вещевой мешок, тогда сержант спросил:

– Твой агрегат? – А после утвердительного кивка обратился к мужичку в рабочем комбинезоне. – Михал Михалыч, и как он? Проблем не будет?

Техник, который сидел на приступке и жевал бутерброд с колбасой, лишь плечами пожал.

– Ну, сюда он же как-то приехал.

– А отсюда?

– И отсюда уедет.

Сержант Козодой фыркнул и настаивать на конкретике не стал, получил у дневального ключ и протянул мне.

– Короче, вещи пока в шкафчик убери – до вечера в общежитие точно не заселишься.

– А оружие?

– Туда же. Если что случится – некогда будет в оружейку бежать. Сдашь по окончании дежурства. А пистолет всегда при себе носи – мы в оперативном резерве, нам положено.

На жестяной бирке оказалось выбито «М.В.30»; в длинном полутёмном помещении я отыскал металлический шкаф с номером тридцать, раскрыл его и повесил внутрь плащ, закинул на верхнюю полку краги и танковый шлем. Чемоданчик пришлось поставить на попа, поверх него устроил вещевой мешок. Мелькнула мысль принять душ, но заставлять ждать сержанта точно не стоило, поменял сапоги на ботинки и вышел к кривившему на улице Козодю.

– Казарму видишь? – ткнул окурком Захар в сторону двухэтажного здания, выстроенного неподалёку от контрольно-пропускного пункта автомобильной части. – Там пулемётный взвод квартирует. А в следующем доме – дежурка стрелков. В случае тревоги или срочного вызова сначала забираешь пулемётчика, потом снайпера и катишь по месту назначения. Понял?

– Так точно.

Сержант взглянул на наручные часы.

– Где учебная часть, знаешь?

– В госпитале? Третий кабинет?

– Ага. Короче, дуй туда, а после обеда на пробу скатаешься к Эпицентру.

– Вот так сразу?

– А чего тянуть? Беги!

Побежать я не побежал, но и медлить не стал, нахлобучил на голову панаму и быстрым шагом двинулся к госпиталю. При этом поглядывать по сторонам не забывал, и вскоре на ум само собой пришло словосочетание «военный городок». На глаза то и дело попадались люди в форме, через перекрёсток промаршировала колонна бойцов ОНКОР, вывернули с соседней улочки два грузовика защитной окраски – один с пехотинцами, другой с зенитной установкой в кузове, а немного погодя в том же направлении, натужно порывая мотором, пропылил броневик с установленным в башне крупнокалиберным пулемётом. Дальше внимание привлекло тарахтение мотоциклетного движка – это оказался патруль комендатуры. Остановились, проверили документы, покатили дальше.

Гражданские тоже на глаза попадались не так уж редко – людей вообще на улицах заметно прибавилось, – но всё же основную часть населения Кордона составляли сотрудники отдельного научного корпуса или те, кто имел к нему какое-то непосредственное отношение. Такое у меня сложилось впечатление.

Ну, а если абстрагироваться от прохожих, техники и однотипных двухэтажных зданий, то в сухом остатке оставались только пыль и жара. Пока дотопал до госпиталя, хорошенько пропотел и запылится.

В отличие от прошлого посещения сего медицинского учреждения площадь перед ним оказалась пуста, да и по ко-

ридерам не шастали туда-сюда ошалелые соискатели и новоиспечённые операторы. Не пришлось выстаивать очередь и в пресловутый третий кабинет. Спустился, припомнил имя-отчество инструктора и с порога сказал:

– Здравствуйте, Трофим Фёдорович! Меня к вам на прохождение обучения направили.

– Линь? – уточнил плешивый дядька в синем рабочем комбинезоне.

– Так точно!

Инструктор протянул руку и требовательно прищёлкнул пальцами, а когда я подошёл и отдал учётную книжку, он многозначительно заметил:

– Савелий звонил, предупреждал на твой счёт.

Вот тут-то я и начал натуральным образом обтекать. Впрочем, если с жары да в прохладе – как тут испариной не покрыться?

– Значит, самостоятельно алхимическую печь осваивать взялся? – будто между делом спросил Трофим Фёдорович.

Я кивнул.

– Случайно получилось...

Инструктор выставил открытую ладонь, призывая меня к молчанию, затем не глядя вытянул из коробки папиросу, сунул её в рот и усилием воли зажёг табак, задымил.

– Фокусировку на восьмёрку сдал? Неплохо, неплохо!

– Вашим советом воспользовался. Ну – сжать сверхэнергию как снежок...

Дядька поднял взгляд и улыбнулся.

– А потом эту идею развил и на алхимическую печь вышел?

– Как-то так, да.

– Ладно, рядовой. Покажи, на что способен. Начнём с пиковой мощности, пожалуй.

Ну, и начали. Точнее, я начал, а Трофим Фёдорович принялся заполнять форму среза способностей, как он её называл. На силовой установке я сумел разово выдать свои рекордные двадцать восемь киловатт, а потом ещё в течение получаса генерировал двадцатку, да и скорость обращения к сверхэнергии оказалась не так уж плоха. Пусть и немногим ниже средних значений, зато в пределах нормативов.

Вот только инструктор досадливо поморщился.

– Для теоретика в самый раз, для практика – всё равно что путёвка на кладбище.

Я постарался не выказать огорчения, но Трофим Фёдорович и так всё понял, ободряюще похлопал меня по плечу.

– Не переживай! Что-что, а скорость оперирования я тебе поставлю. Подберу упражнения, не сомневайся даже. Давай-ка лучше посмотрим, как у тебя с управлением кинетической энергией дела обстоят.

И вот с управлением кинетической энергией у меня оказалось всё печально. Пусть я уже понимал базовые принципы, нормальная их реализация давалась из рук вон плохо, точнее – не давалась вовсе. Зачёта с такими успехами было

не видать как собственных ушей.

– Да уж, трудный случай, – вздохнул инструктор. – Тут такое дело: индивидуально тебя натаскивать времени нет, а ни в одну из групп зачислить не выйдет. Для начала придётся усиленными темпами пробелы закрывать. Кинетическую и тепловую энергию даже самые отстающие уже прошли, со следующей недели гравитацией овладевать начнут. Такие дела...

Услышанное меня несколько не порадовало, и я развёл руками.

– Пробелы закрыть – это я всегда готов.

– Ладно, пораскину мозгами на твой счёт, – пообещал Трофим Фёдорович, – а пока технику алхимической печи продемонстрируй. Дюже интересно глянуть, чего ты там удумал. Савелий сказал, вариация небезынтересная получилась.

Я воодушевился, легко дотянулся до сверхсилы и стал втягивать её в себя, разгонять по телу, уплотнять и разгонять снова, а когда внутреннее давление сделалось невыносимым и в груди начало разгораться жжение, усилием воли запустил процесс трансформации и принялся стравливать излишки.

– Ах, вот оно что! – выдал инструктор, и прозвучавшая в его голове снисходительность едва не заставила потерять сосредоточенность.

– Всё так плохо? – не удержался я от вопроса.

– Да нет, весьма оригинальное использование повышенной сопротивляемости сверхэнергии получилось – чего не

отнять, того не отнять. Но вот с технической точки зрения всё далеко не безупречно, – заявил в ответ Трофим Фёдорович, поскрёб бритый подбородок и уселся за стол, принялся что-то писать. – Продемонстрированная техника – это лишь временное решение. Костыль и не более того, – начал вещать он, продолжая делать какие-то пометки. – Объяснять ничего не стану, сам поймёшь в своё время. Другое дело, что в иных аспектах твой подход может оказаться даже более интересным традиционного. Вот, держи.

Я принял вырванный из тетради листок в клеточку и прочитал первый пункт, который гласил: «Увеличение внутреннего потенциала».

– Чем больше энергии сможешь одномоментно удерживать, тем лучше, – пояснил инструктор.

– А что такое «волны»? – удивился я лаконичному содержанию следующей позиции.

– Давишь энергией со смещением, прогоняешь по телу волну. Понял?

– Не особо, – честно признался я.

– Да разберёшься, упражнение элементарное! – отмахнулся Трофим Фёдорович. – «Насыщение» – это всё то же самое, что ты продемонстрировал, только в одной конкретной точке организма. Чем она меньше, а концентрация сверхсилы выше – тем лучше.

– А зачем?

– Всё поймёшь, когда время придёт! И учти – динамику

еженедельно отслеживать стану, а эту технику в твою индивидуальную программу включу. Будешь филонить, зачёта не получишь. Минимум час в день алхимической печи уделяй. Ты же медитируешь, насколько я понял? Ну вот и совмещай.

– А что за «очаг»? – справился я насчёт последнего пункта.

– Переводишь «насыщение» в алхимическую печь. То есть не накачиваешь весь организм энергией, а создаёшь компактный очаг. Если не получится, а сходу у тебя точно не получится, не расстраивайся. Техника крайне непростая, её старшекурсники месяцами оттачивают. Главное базовые навыки освоить, дальше проще будет.

Я сложил лист надвое и спрятал его в карман.

– Завтра подходи к восьми, – объявил инструктор, этим моё первое занятие и завершилось.

Желудок к этому времени так и подводило от голода, но тратить время на поиск места, где можно перекусить, я не рискнул и удовлетворился тёплой водой из питьевого фонтанчика, а после отправился напрямик в расположение взвода. Мой мотоцикл к этому времени уже выгнали из мастерской, и кутивший на улице Михал Михалыч вручил ключи от него со словами:

– Побегает ещё.

– Спасибо, – сказал я и поднялся на второй этаж, заглянул в каморку лейтенанта.

– Освободился уже? – оживился тот, поднимаясь из-за

стола. – Ну и отлично. Идём!

Мне бы порадоваться эдакому воодушевлению, да что-то в голосе командира заставило напрячься в ожидании скорых неприятностей. И не скрытая угроза – вовсе нет, на неё не прозвучало ни малейшего намёка, скорее уж, намёк на совершенно неуместный в сложившейся ситуации азарт.

Можно подумать, у лейтенанта других забот нет, кроме как новобранца к обучению пристраивать!

Но от расспросов воздержался, молча потопал следом. А уже на улице командир взвода снизошёл до объяснений сам.

– Индивидуально тебя обучать никто не возьмётся, но сейчас как раз новый набор натаскивают, определю в одну из групп начального уровня. На девятом витке в резонанс вошёл, ничего не путаю?

– Так точно!

– Ну вот и заглянем к егерям. Туда с десятого и выше берут, но рекрутов непосредственно к Эпицентру не забрасывают, а в остальном ты ничуть не хуже. Они, конечно, элита и станут артачиться, так что ты не тушуйся, покажи себя.

Уж не знаю, намеренно лейтенант произнёс слово «элита» с издевательским сарказмом или это вышло помимо его воли, но напрягся я пуще прежнего. Только ещё не хватало в какие-то внутриведомственные склоки впутанным оказаться!

На задворках футбольного стадиона был оборудован полноценный спортивный комплекс с разнообразными площад-

ками, открытым бассейном, полосой препятствий, вышкой для учебных прыжков с парашютом и даже причальной вышкой дирижаблей. Нашей целью стал навес, где шли занятия по рукопашному бою. Три десятка бойцов внимательно следили за тем, как инструктор демонстрирует правильную технику броска через спину, и среди них, к своему немалому изумлению, я углядел Аркашу Пасечника – загорелого, потного, в пыльной полевой форме.

Не заметить меня он не мог, но и глазом не повёл; как видно, дисциплина у егерей была на высоте.

Лейтенант Лысуха не стал прерывать учебный процесс, молча прислонился плечом к столбу и закурил. Я встал рядом и принялся следить за темноволосым инструктором – высоким, жилистым и очень быстрым. Последнее понял не сразу, лишь когда он продемонстрировал бросок в полную силу. Александр Малыш на таких скоростях со мной никогда не работал, и закралось неуютное сомнение, сумею ли вписаться в эту группу.

Ну а там выступавший мальчиком для битья крепыш в очередной раз покатился по песку, и егерь выпрямился, глянул на нас без всякой приязни. Точнее – глянул он на командира мотоциклетного взвода, меня словно и не заметил вовсе. Хотя почему – словно? Так и есть – не заметил.

– Господин капитан... – обратился к нему Игорь Лысуха вроде бы почтительно, но как-то очень уж небрежно.

Взаимной приязни между офицерами точно не было, от-

ветил инструктор столь же резко, как и двигался в учебном поединке:

– Что опять?

Командир мотоциклетного взвода указал на меня.

– Капитан Дудник приказал рядового к обучению пристроить.

– Кому приказал? Тебе? Вот и пристраивай!

– Поэтому и пришёл.

– Я тут при чём?

– У егерей самая подходящая группа, – последовал спокойный ответ.

– Мы не берём посторонних!

– Капитан Дудник...

Волевое лицо инструктора закаменело.

– Я не подчиняюсь капитану Дуднику, так ему и передай!

Он уже начал разворачиваться, когда командир мотоциклетного взвода пыхнул дымком и небрежно обронил:

– А комбату что передать? Совсем запоматовал: распоряжение на этот счёт с самого верха идёт.

Инструктор резко обернулся и зло глянул на собеседника, но на попятную не пошёл и заявил:

– Кого попало обучать не берусь! Майору это известно.

Игорь Лысуха кинул окурок на землю и растёр его подошвой, потом спросил:

– А есть какие-то критерии для отделения кого попало от не кого попало? Или это на глазок определить реально?

В вопросе так и сочилась злая ирония, но капитан не вспыхнул и впервые обратил своё внимание на меня. Миг глядел, потом презрительно скривился и не отшил нас окончательно и бесповоротно, а вместо этого прищёлкнул пальцами и скомандовал:

– Круг!

Один из бойцов без промедления воткнул в центр площадки короткий колышек и с помощью привязанной к нему верёвки сноровисто прочертил по песку окружность метров десяти в диаметре.

Инструктор достал из кармана брюк часы со спортивным секундомером и объявил:

– Продержится минуту – возьму на испытательный срок. Ну а нет, значит – нет.

– А если он победит? – поинтересовался мой взводный.

Егеря впервые позволили себе проявление эмоций: они негромко рассмеялись. Так и подмывало оценить реакцию Аркаши, но сдержался, не взглянул на него.

Капитан вновь смерил меня цепким взглядом, неприятно улыбнулся и сказал:

– В этом случае обойдёмся без испытательного срока.

– Действуй от обороны и не забывай о контратаках, – посоветовал тогда Лысуха, и не подумав отлипнуть от столба. Как показалось – посоветовал исключительно проформы ради, будто исход поединка его нисколько не волновал.

Впрочем, а с чего бы ему переживать? Это мне беспоко-

иться надо.

И да – я беспокоился. Разулся, уложил на ботинки ремень с пистолетом, кинул сверху панаму и гимнастёрку, затем охлопал себя по карманам и немного поколебался, но всё же выложил заточку.

Моим противником назначили крепкого егеря на пару лет постарше – того самого, на котором инструктор демонстрировал правильную технику броска. Когда мы встали в круг, капитан озвучил правила:

– Выход за границу ринга равнозначен поражению, удары по глазам запрещены. – И добавил: – Только не убей его...

Последняя фраза точно предназначалась не мне, пропустил её мимо ушей. Наученный горьким опытом противостояния связке Федя – Казимир я неотрывно следил за своим противником, и отнюдь не зря – ударил тот за миг до щелчка кнопки секундомера.

Не качнись я назад, и тычок в подбородок неминуемо обернулся бы свёрнутой набок челюстью, а так – увернулся. Жаль только, движение вышло неловким и контратаковать из новой позиции не вышло, сумел лишь отступить на шаг и разорвать дистанцию, но и этого хватило, чтобы егеря разочарованно выдохнули. Судя по реакции зрителей и промелькнувшему на лице крепыша разочарованию, обычно всё решал первый нокаутирующий удар, а тут – не задалось.

Но я не позволил себе расслабиться, скорее уж – наоборот. Просто накатило осознание: зевну – покалечат. И теперь

уже не только из одного желания поскорее завершить поединок, теперь это вопрос самоутверждения.

Крепыш шагнул ко мне, я попятился. Егеря засвистели и заулюлюкали, но — плевать; секунды тикают — остальное неважно.

Противник был на полголовы ниже, при этом заметно мускулистей и определённо куда сильнее; единственным моим преимуществом могли стать чуть более длинные ноги и руки, на то я и сделал ставку. Но для начала — попятился.

Парень вошёл в раж и пошёл вперёд, желая поскорее выкинуть за пределы круга, и я провёл боксёрскую двоечку. Всерьёз попасть в цель не рассчитывал изначально, лишь наметил слабое сопротивление и вновь отступил, чтобы тут же без всякого перехода провести низовой пинок по щиколотке крепыша. Подсечь ногу не вышло, зато удар заставил егеря оступиться, и в этот краткий миг его неустойчивости мне удалось скользнуть в сторону, не нарвавшись на прямой в голову.

Запоздалый замах блокировал левым предплечьем, и по руке словно молотком шибанули, чуть не вскрикнул от боли и на миг потерял концентрацию, за что и поплатился, пропустив пинок в бедро. Меня кинуло в сторону, и я не стал удерживать равновесие, перекатом разорвал дистанцию и вновь очутился на ногах. Дальше опять начал отступать и активно работать руками, не позволяя втянуть себя в ближний бой.

Собравшиеся разродились презрительным свистом, и

подбадриваемый криками сослуживцев крепыш ринулся в решительную атаку. Слишком быстро, слишком резко. Стремительный рывок противника застиг на полушаге, и единственное, что смог, – это отмахнуться левой.

Хлюпнул разбитый кулаком нос, но для егеря этот выпад неожиданностью не стал, он пошёл на размен ударами совершенно осознанно, точнее даже – меня на него вынудил. В следующий миг прилетело в солнечное сплетение, и враз сбилось дыхание, скрючило так, что едва успел нырнуть в сторону в попытке уклониться от летевшего в голову кулака. Почти увернулся – и тот не рассадил скулу, а лишь шаркнул по уху, но и так в глазах вспыхнули звёзды. Я едва ли не вслепую врезал правой, и в запястье немедленно вцепились жёсткие пальцы. Крепыш дёрнул за перехваченную руку, ловко подставил бедро под направленное в пах колено и резко откинулся назад, рванув за собой. За собой – и ещё дальше!

Но к таким вот ситуациям меня подготовили неплохо, не выкатился кубарем за пределы круга, остановился у самой его черты, вскочил на ноги, готовясь отразить новую атаку противника. А тот и не подумал вставать с колен, да в этом и не возникло нужды – неожиданно меня повело, и сам не понял, как сделал два шага в сторону, словно толкнули невидимые руки.

– Пятьдесят секунд! – объявил капитан егерей, вновь щёлкнув кнопкой секундомера, и продемонстрировал ци-

ферблат командиру мотоциклетного взвода.

Я тряхнул головой и только после этого сообразил, что вывалиться за пределы импровизированного ринга заставило воздействие чужой воли. Этот гадёныш надавил сверхсилой! И не надавил даже, скорее – приложил от души, просто моя сопротивляемость сказалась! Какого чёрта?!

Апеллировать к инструктору я не стал и отнюдь не из ложной скромности, просто расхотелось заниматься под его началом, позволил себе лишь нейтральное замечание:

– Так можно было, да?

Егерь глянул на меня с нескрываемым раздражением и отрезал:

– Запрещено было выходить за пределы круга и бить по глазам! Что-то ещё непонятно, рядовой?

– Никак нет, господин капитан! – выдал я в ответ, не желая злить офицера, и без того его подопечный с рассаженым носом волком смотрит.

Ха! А ведь я вполне мог продержаться эти клятые десять секунд, если б не зевнул!

Капитан спрятал в карман секундомер и скомандовал:

– Свободен!

Он вернулся к прерванному нашим появлением занятию, ну а я, на ходу натягивая гимнастёрку, двинулся за невозмутимым взводным. Только пошли мы почему-то не обратно в расположение, а к полосе препятствий.

– И что теперь, господин лейтенант?

– Давай без чинов в неофициальной обстановке. Игорь Юревич или командир.

– И что теперь... – я немного замешкался, выбирая наиболее подходящее ситуации обращение, – командир?

– Выше нос! – рассмеялся взводный. – Хороняка тебя в свою группу в любом случае не зачислил бы, нашёл повод отказать. Особый дивизион – элита ОНКОР, а как только человек начинает мнить себя элитарием, так у него в мозгах плесень и заводится. Одни родословной кичатся, другие... – Командир махнул рукой. – Да неважно! Главное, что у егжей тебе делать нечего. Не думай, капитан – профессионал каких поискать, просто педагогическими талантами не блещет, да и задачи у его подразделения очень уж специфические. Не для тебя это.

Меня так и распирало от вопросов, и хоть умнее было промолчать, я не утерпел и спросил, потирая припухшее ухо:

– Тогда зачем мы сюда вообще приходили, если результат был известен заранее?

– А как иначе? – усмехнулся в ответ лейтенант. – Особый дивизион – элита ОНКОР, и раз начальство распорядилось обеспечить тебя лучшими наставниками, я должен был попытаться договориться именно с ними.

Я понимающе кивнул. Ну да, ну да. Именно что – попытаться. Лейтенант даже словом не обмолвился, что за меня просил комиссар Хлоб, и подозреваю, отказ капитана взять нового ученика ещё выйдет ему боком. Но это не важно, во-

прос в том, куда мы направляемся сейчас.

Долго ломать голову на этот счёт не пришлось – полосу препятствий, к которой подошли, как раз преодолевали два десятка бойцов; взводный указал на них и пояснил:

– Десантники.

Мне сигать с парашютом из аэроплана несколько не хотелось, и я с надеждой уточнил:

– Тоже особый дивизион?

– Нет, воздушный, – с усмешкой прозвучало в ответ, и лишь с превеликим трудом удалось подавить обречённый вздох.

Десять секунд! Ну вот что стоило продержаться те десять секунд?

Глава 2

За тренировкой авиадесантников следил пожилой прапорщик – плотно сбитый, но не грузный, скорее, крепкий и кряжистый, будто гриб-боровик, с густыми седыми бровями, сросшимися на переносице. К этому суровому на вид дядьке командир взвода и подошёл.

– Николай Тарасович, моё почтение!

Офицеры обменялись рукопожатием, и тогда лейтенант не стал тянуть, сразу изложил свою просьбу:

– Николай Тарасович, мне бы бойца к обучению пристроить. Очень надо. По бумагам на неделе проведём. Сами понимаете – дело небыстрое.

Прапорщик оценивающе глянул на меня, и тогда взводный счёл нужным добавить:

– Пятьдесят секунд у Хороняки продержался. И без нокаута обошлось, просто из круга вылетел. Правда, против него какого-то салагу из зимнего призыва выставили, но всё равно результат достойный.

Николай Тарасович неопределённо повертел в воздухе растопыренными пальцами и спросил:

– Какой виток?

– Девятый, господин прапорщик, – ответил я.

– Девятый? Игорь, а ты зачем его к егерям вообще водил? Ты же их критерии отбора не хуже меня знаешь!

Вопрос взводного ничуть не смутил, он лишь руками развёл.

– Приказы командира не обсуждаются, а выполняются!

– Ой ли? – усмехнулся Николай Тарасович, но развивать эту тему не стал и распорядился: – Ну давай, боец, посмотрим, на что ты годишься.

Он указал на полосу препятствий, и я расстегнул ремень, потом избавился и от гимнастёрки.

– Его бы до предела загрузить, – заметил тогда лейтенант.

Прапорщик нахмурил брови и неопределённо проворчал:

– Видно будет.

Дальше я слушать не стал и поспешил к полосе препятствий, которая оказалась куда протяжённей нашей стометровки, да и одними только заборчиками, кирпичными стенками, жердями и натянутыми верёвками дело там не ограничивалось. Где-то приходилось сигать через канавы, где-то перебегать через них по бревнам, пару раз требовалось взобраться по канату и тонкому тросу с завязанными узлами – на них меня изрядно помотало, а вот влезть на десяток метров по верёвочной сетке получилось куда легче. Когда полз по-пластунски под рядами натянутой колючей проволоки, весь с головы до ног изгваздался в пыли, но в целом, как показалось, лицом в грязь не ударил. Нигде не сорвался, нигде надолго не застрял.

Николай Тарасович от оценок моей подготовки воздержался, лишь сказал командиру взвода:

– Оставляй.

Тот кивнул, предупредил:

– Жду к трём, – и ушёл.

Ну а у нас началось занятие по рукопашному бою. Не слишком интенсивное по сравнению с моими индивидуальными упражнениями, но заметно плотней и жёстче отработки бросков и захватов в составе учебного отделения комендатуры. Впрочем, не настолько плотнее, чтобы я упустил возможность присмотреться к десанникам. Те в основе своей оказались на год-два постарше, а спортивными и подтянутыми были все без исключения, даже несколько затесавшихся в коллектив барышень. Ну и вроде бы меня приняли нормально, не косились и шуточек не отпускали, хотя и ждал чего-то подобного, чего уж там.

После занятий потянули мышцы, построились и трусцой побежали на стрельбище, и вот там уже меня отделили от основной группы, пришлось демонстрировать навыки владения огнестрельным оружием младшему сержанту. Пострелял из ТТ и ППС, а когда закончил с трёхлинейкой, помощник инструктора крикнул:

– Николай Тарасович! Пулемёт ему давать?

Прапорщик подошёл и с некоторым даже удивлением спросил:

– Зачем ещё?

– А на него документы из канцелярии пришли, он вторым номером пулемётного расчёта числится.

Я кивнул.

– Так точно. Учили.

– Ну давай посмотрим, – решил Николай Тарасович и взял лежавший на столе танковый шлем, заменил им форменную панаму. – Приступай!

Я забросил на плечо лямку кожаного ранца с запасными дисками, взял ручной пулемёт и выдвинулся на стрелковую позицию. За последнее время успел приноровиться к РПД и пусть особой точностью при ведении огня на дальнюю дистанцию похвастаться не мог, зато и грубых ошибок не совершил. Изготовил оружие к стрельбе, сжёг сотню патронов и, как видно, продемонстрировал вполне приемлемые результаты, поскольку Николай Тарасович, сняв шлем, с улыбкой сказал:

– Эх, если б ещё и десантированию с парашютом обучен был ... Тогда бы хоть прямо сейчас к себе забрал.

– Пять прыжков у него, – подсказал младший сержант. – Я думал, в вашу роту пополнение готовят.

Прапорщик не удержался от ухмылки.

– Посмотрим, – сказал он, пригладив большим пальцем кустистые брови, но сразу отбросил шутливый тон и заявил: – Являться станешь на три тренировки. В шесть сорок пять, одиннадцать тридцать и девятнадцать часов ровно. Если будешь занят по основному месту службы, предупреждай заранее.

– Так точно!

– Свободен, рядовой.

Я поспешил к видневшимся вдалеке окраинам Кордона, а там озадаченно повертел головой по сторонам, но почти сразу углядел возвышавшиеся над зданиями верхние этажи госпиталя, сделал небольшую поправку и двинулся напрямик в расположение мотоциклетного взвода. И, как ни странно, почти не промахнулся, глухими переулками вышел к двухэтажной казарме пулемётчиков, а оттуда до проходной авточасти было рукой подать, метров пятьдесят, не больше.

Первым делом я отправился в душ и пару минут стоял, отфыркиваясь под едва тёплыми струйками воды. Потом насухо вытерся и привёл в порядок форму, при этом дольше всего провозился с отпарыванием букв «К». А вот латунную эмблему автобронетанкового дивизиона закрепил под символикой отдельного научного корпуса уже без всякого труда.

Когда поднялся на второй этаж, курьер выставлял на стол привезённые дежурной смене судки и термосы, и аромат в комнате стоял столь одуряющий, что рот моментально наполнился слюной.

– А ты чего тут, Петя? – удивился сержант Козодой и постучал пальцем по наручным часам. – Тебя на довольствие уже поставили, беги обедай!

– В душ заскочил, – пояснил я, приглаживая волосы. – А столовая где-то на территории?

– Не, рядовой состав при госпитале харчуеться, – пояснил Вова-футболист. – В июне и декабре, когда соискатели валом

прут, поесть целая проблема, а так туда даже унтеры ходят, готовят – пальчики оближешь.

Я припомнил своё посещение больничной столовой и недоверчиво покачал головой. Нет, смутило вовсе не замечание о качестве стряпни, просто то помещение не показалось настолько просторным, чтобы вместить всех желающих.

– Там столпотворение навверное...

– Да не, – успокоил меня Вова. – Это нашему батальону так свезло. Мы ж вечно в разъездах. Ну или дежури́м, вот. Только сначала в канцелярию заверни, получи талоны на питание.

Дальше я сомневаться не стал, потопал в канцелярию батальона. Туда уже спустили распоряжение на мой счёт, расписался за талоны на питание до конца месяца и поспешил в госпиталь. В его столовой и в самом деле оказалось не слишком многолюдно, удалось договориться и об усиленном пайке – благо не успел потратить на шоколад и конфеты все выданные по распоряжению комиссара талоны.

Когда отошёл с нагруженным тарелками и стаканами подносом, увидел Аркашу, на груди которого красовался полученный ещё в выпускном классе значок «Отличник-парашютист». Сослуживцы моего товарища уже разошлись, да он и сам успел пообедать и просто допивал компот.

Я обрадовался возможности поговорить и двинулся к его столу. Поставил поднос и протянул руку.

– Привет! Как дела?

Аркадий ответил на рукопожатие и невесело усмехнулся.

– Да грех жаловаться. Уж всяко лучше, чем у Лёвы.

– Всё у него наладится ещё, – уверил я товарища и принялся хлебать суп из рыбных консервов, а попутно пытался поддерживать разговор, но Аркаша отвечал односложно и как-то очень уж неохотно, словно голова была занята совсем другим. Ну и сам меня ни о чём не спрашивал, что было для него совсем уж нехарактерно.

Наконец я не выдержал и поинтересовался без всяких экивоков:

– Ты чего такой замученный?

– Устал, – уклончиво ответил Аркаша, помедлил немного и с непонятым выражением произнёс: – Лия писала, что она, Инга и ты теперь в одном клубе...

Тяжёлый взгляд товарища заставил на миг растеряться, а потом вдруг дошло: да он же ревнует! Аркаша ревнует меня к Инге! Мир точно перевернулся с ног на голову! На миг стало даже приятно, что мы поменялись ролями, ну а затем настроение скисло, словно оставленное на жаре молоко. К гадалке не ходи – у них всё серьёзно было, а мне чем гордиться? Вот чем, а?

И я покачал головой.

– Клуб один, компании разные.

Аркаша фыркнул.

– Да брось!

– Послушай! – Я отвлёкся от супа и подался вперёд. – Мы

с Ингой за прошедший месяц и десятком слов не перебросились. Она даже с Лией почти не общается, насколько понял, а всё больше с соучениками по кафедре пиковых нагрузок. О пацифистах тебе Лия писала?

– Инга и пацифисты? Ерунда на постном масле!

Я только плечами пожал и вновь заработал ложкой.

Аркадий немного помолчал, затем допил остававшийся в стакане компот и поднялся на ноги. Думал, уйдёт молча, но нет – на прощанье бывший одноклассник всё же счёл нужным обронить:

– Увидимся, Петя.

– Увидимся, – эхом отозвался я и занялся картофельным пюре и котлетой. Своей очереди дожидался кусок отварной говядины, а на десерт была слойка. И не могу сказать, будто аппетит пропал, да только ел дальше без особого удовольствия.

В расположение вернулся сытым, но не слишком довольным жизнью. Если к служебным пертурбациям уже выработался некий иммунитет, то разговор с Аркашей откровенно выбил из колеи. Раньше прошлая жизнь представлялась незыблемым фундаментом, а сейчас натуральным образом почва из-под ног ушла.

Впрочем, долго пребывать в раздрае чувств мне не позволили. Только доложил командир взвода, и тот сразу погнал на инструктаж в дежурку. Сержант Козодой оторвался

от преферанса, выложил на стол стопку журналов учёта и велел расписаться за ознакомление с техникой безопасности, правилами патрулирования и порядком досмотра транспорта. Попутно буквально в двух словах рассказал о том, что и как придётся делать, а после разложил на краю стола карту и провёл пальцем от Кордона до Эпицентра.

– Дорога тут одна, если по какой-то надобности с неё съехать придётся, направление штурман указывать станет. Экипаж у тебя опытный будет, не заблудитесь.

– Штурман?

– Пулемётчик, – пояснил Захар. – Будет и пулемётчик, и снайпер.

– А карту ты всё же изучи, Петя, – посоветовал ефрейтор Черепица. – Сектора с пятого по двадцать восьмой не смотри, не наша зона ответственности, а вот с двадцать девятого по четвёртый весь объездить придётся.

Я поначалу ничего не понял, затем сообразил, что речь идёт о привычных уже румбах, только не ограниченных тринадцатикилометровым радиусом Эпицентра.

– Да, лишним не будет, – согласился с этим советом сержант. – Гляди, начиная с пятидесятого километра начинается зона ограниченного посещения, а до того...

Что там «до того» начальник смены поведать не успел, от распахнутой двери донёсся гулкий стук, а следом кто-то бодрым голосом объявил:

– Тук-тук, хозяйева! Кто в теремочке живёт?

Шагнувший в дежурку молодой человек с нашивками младшего сержанта был не слишком высок и не мог похвастаться мощным сложением, зато его запястья оказались в объёме как три моих, а ладони больше походили на лопаты.

В остальном же ничего особенного: лет двадцати пяти на вид и, как говорится, неброской внешности, приятной наружности. Лицо овальное, нос прямой, брови русые – заметно светлее подстриженных под бокс волос; справа на груди висели знаки «За отличную стрельбу» и «Отличный пулемётчик».

– Явился, не запылел! – рассмеялся Захар Козодой, протянув руку. – Ты чего пришёл? Выезд только в три пятнадцать!

– Да мимо проходил, – отмахнулся младший сержант. – Скажи лучше, кто эту неделю нас катать будет?

– Рядовой Линь, – указал на меня начальник дежурной смены и усмехнулся. – Петя, этот обманчиво дружелюбной наружности боец – твой пулемётчик, штурман и командир мотогруппы. Слушай его, Фома Коромысло плохому не научит.

– Только пить, курить и по бабам ходить! – хмыкнул Вова-футболист.

– Как будто это что-то плохое! – хохотнул пулемётчик, протягивая руку.

Пожатие широченной лапищи оказалось предельно аккуратным, не иначе специально постарался не раздавить мне

кисть; это крайне порадовало, пусть и мог в любой момент качнуть в неё сверхсилу.

– Казарму пулемётчиков знаешь? – уточнил Фома.

– Показали.

– Тогда собирайся и подъезжай. Выдвигаемся через пятнадцать минут.

Он покинул караулку, а я оглянулся на сержанта.

– Форма одежды какая?

– Плащ, очки и шлем в обязательном порядке, остальное на твоё усмотрение, – сказал тот, протянул путевой лист и предупредил: – Уровень бензина только проверить не забудь. И давай живее, Фома – мировой парень, но есть у него пунктик: терпеть опозданий не может.

Ну, я и не стал медлить, рискнул даже скатиться по спусковому столбу. А и нормально! Накинул поверх полевой формы плащ, кожаные штаны решил не надевать, переобуться тоже не стал. Прихватил фляжку и пистолет-пулемёт, вышел на улицу и, хоть перед выездом из Новинска залил бак под пробку, всё же последовал совету сержанта и проверил уровень топлива. С тем оказался полный порядок: запас хода более чем в два раза перекрывал протяжённость нашего сегодняшнего маршрута, указанную в путевом листе.

Закрепив ППС в держателях, я повернул ключ зажигания, толкнул ногой педаль пускового устройства и покатил к воротам. Навстречу попался такой же мотоцикл, как у меня, только покрытый густым слоем рыжеватой пыли, а на кон-

трольном пункте пришлось дожидаться, пока с территории выедут два грузовика.

Когда подкатил к соседней казарме, Фома уже стоял у крыльца в компании дымивших папиросами сослуживцев. Одной рукой он контролировал упёртый прикладом в землю пулемёт, в другой удерживал на весу ранец с боекомплектom. Кожаная куртка у него оказалась такой же, как у Василя, и танковый шлем с очками тоже ничем от стандартных не отличались, а вот перчатки точно были пошиты по индивидуальному заказу.

Прежде чем забраться в люльку, младший сержант взглянул на наручные часы, и я подумал, что не помешало бы обзавестись хронометром и мне. Увы, даже с повышенным денежным довольствием копить было на такую покупку и копить.

– Поехали! – распорядился Фома, начав прилаживать к вертлюгу сошки пулемёта.

Я тронулся с места и направил мотоцикл к соседнему зданию, а там, стоило только остановиться, Фома без промедления дунул в здоровенный медный свисток. С минуту ничего не происходило, а затем толчком – или даже пинком! – распахнулась входная дверь и на улицу вышел худощавый ефрейтор. Был он смуглым, черноволосым и черноглазым, свёрнутую кожаную куртку нёс под мышкой, а винтовку – закинутой на плечо; вещевой мешок болтался на одной лямке, на гимнастёрке посверкивал золотым ободком стилизо-

ванный под мишень нагрудный знак «Снайпер ОНКОР».

– Раздолбай! – тихонько ругнулся Фома и поторопил стрелка: – Тимур, ну время же!

– Ой, да перестань ты! – фыркнул ефрейтор, заметил меня и цокнул языком. – О, у нас новый руль!

Я протянул руку.

– Пётр.

– Тимур. – Стрелок ответил на рукопожатие и передал веще-
вой мешок Фоме, чтобы тот убрал его в ноги, а куртку
устроил на запасном колесе. – Ну всё, погнали!

Я выжидающе посмотрел на пулемётчика, и тот уточнил:

– Выезд на Эпицентр знаешь?

– Через госпиталь ехать или напрямик дорога есть?

– Давай через госпиталь.

Ну и поехали. Восседавший на заднем сиденье Тимур одной рукой вцепился в ручку, а другой придерживал брошенную на запасное колесо куртку, на кочках его потряхивало, но очень скоро я перестал беспокоиться насчёт снайпера и полностью сосредоточился на дорожной обстановке. Движение оказалось весьма напряжённым, постоянно попадался встречный автотранспорт, и любая невнимательность могла завершиться аварией. С учётом приличных скоростей и превосходства грузовиков в массе ничем хорошим столкновение для нас закончиться не могло; пока доехал до восточного пропускного пункта, просто взмок. Жара свою роль, конечно, тоже сыграла, но в первую очередь сказала всё же

нервотрёпка.

– Ну, я же говорил! – рассмеялся Тимур, когда мотоцикл остановился в тени блокпоста с установленной на крыше спаркой крупнокалиберных пулемётов.

Фома отмахнулся от него и отошёл к караульным, перекинулся с ними парой слов и крикнул:

– Колонна на подходе. Готовность – две минуты!

Стрелок ругнулся вполголоса и принялся застёгивать куртку, а я удивлённо спросил:

– Мы не просто к Эпицентру едем, что ли?

– Не-а, – мотнул головой ефрейтор. – Колонну сопровождать будем.

Вернувшийся к мотоциклу Фома приладил на пулемёт диск и пояснил:

– Иностраннных операторов на подстройку к Эпицентру везут, мы в головном дозоре и туда, и обратно. На месте они своими силами справятся, там немного по округе покрутимся. Покажем тебе окрестности.

Я хрустнул костяшками пальцев и произнёс:

– Когда ехали на инициацию, сказали, что тут спокойно, а нас только для порядка сопровождают.

Пулемётчик и снайпер обменялись многозначительными ухмылками, и Фома резонно заметил:

– Петя, ну сам посуди – кто бы такую ораву туда-обратно просто для порядка гонять стал? А горючее? А моторесурс?

Я выставил перед собой раскрытые ладони.

– Так вопрос именно в том, как в реальности дела обстоят! Младший сержант пожал плечами.

– Тимур, сколько с начала года серьёзных инцидентов было? Десятка полтора?

– Если по нашей зоне ответственности и со стрельбой, то да. А если брать браконьеров, чёрных старателей и всякую мелкую шушеру, то чуть ли не каждый день кого-нибудь прихватывают.

Я не удержался и присвистнул.

– А серьёзные – насколько серьёзные?

– Серьёзней не бывает, – уверил меня Фома. – Мой тебе совет: веди себя так, будто в прифронтовой полосе находишься, целее будешь.

– И мы вместе с тобой, – на полном серьёзе поддакнул Тимур.

Патрулирование улиц в Новинске враз перестало казаться таким уж неприятным занятием, и я невольно передёрнул плечами.

– Мёдом тут всем, что ли, намазано?

Фома Коромысло рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

– А ты как думал! Именно что – намазано! И одиночки пытаются мимо патрулей к Эпицентру просочиться, и полноценные диверсионно-разведывательные группы захаживают. Сейчас вот иностранцы по обмену едут – если их обстреляют или подорвут, вонь до небес поднимется. Такой счёт нам выставят, мало не покажется.

Я припомнил лекцию капитана Городца после неудавшейся провокации у водохранилища и вновь поёжился, а поскольку молча стоять не хотелось, решил прояснить момент с резанувшей слух фразой.

– «По обмену» – это как?

– Ну, ты же в курсе, что Эпицентр самый мощный из всех источников? – уточнил Фома и после моего кивка продолжил: – Иностранцам даже на пятый или седьмой виток переключиться за счастье, вот институтские умники и организовали взаимовыгодный процесс.

– У нас же договор с Лигой Наций...

– Не, это уже сверх квоты. Берут только прошедших инициацию в другом источнике, кого-то за наличный расчёт, кого-то взамен наших слабосилков.

– Чего?!

– Рот закрой, муха залетит! – пошутил Тимур.

Младший сержант тоже глянул на меня с неприкрытой усмешкой.

– Петя, ты как маленький, честное слово! С витка на виток не перескочить, так? А вот между источниками – вполне. Если кому-то башковитому с инициацией не повезло, его могут в Айлу отправить. Там источник дохлей нашего, но с правильной подстройкой реально сильнее операторов нашего пятого витка стать. С шестым, конечно, не сравняться, но не до жиру, знаешь ли.

У меня чуть голова кругом не пошла. Оказывается, девят-

тый виток – это не приговор! Можно поднять свою пиковую мощность в разы! Всего-то и надо – зарекомендовать себя с лучшей стороны, показать перспективность!

– А потом ещё раз настроиться на Эпицентр, только на эталонном шестом витке... – пробормотал я и пробормотал достаточно громко, чтобы меня расслышали.

Фома пожал плечами.

– Не факт, что выгорит. Но чего не знаю, того не знаю.

«А что вообще ты знаешь?» – едва не вырвалось в приступе непонятого ожесточения. Хотя – а непонятого ли?

Легко сказать: «зарекомендовать себя»! Попробуй – зарекомендуй! Я ведь не в РИИФС, я в ОНКОР! И мои трудовые свершения многомудрых профессоров точно не впечатлят!

Следом вспомнилось предложение Палинского зачислить в институт вольным слушателем и обещание Льва поразмыслить над поступившим от профессора предложением, от разочарования и обиды на весь белый свет неприятно закрутило кишки. Но справился с собой, взял эмоции под контроль.

Не о том думать надо! Не о том! Я прошлой ночью человека убил и очень скоро под подозрение попаду, если уже не попал, а всё мысли о великих свершениях и научной карьере покоя не дают! Дурдом!

– О чём задумался, Петя? – спросил с интересом следивший за мной пулемётчик.

Но тут уж я не сплеховал, пожал плечами и с деланным

безразличием сказал:

– Думаю, две минуты давно прошли, а колонны всё нет.

– В яблочко! – рассмеялся Тимур, наставив на меня указательный палец. – Устами младенца глаголет истина!

– Бросьте! – отмахнулся Фома. – Главное, что мы вовремя прибыли. А так – стоим в теньке, плохо разве? Сейчас поедem.

Я прислушался к собственным ощущениям и решил, что никуда ехать не хочу. Тошно было на душе и немного страшно. Сбегал облегчиться в туалет, а только вернулся, и к пропускному пункту подтянулась припозднившаяся автоколонна.

Хотя «колонна» – это громко сказано. Два небольших автобуса, легковой вездеход с поднятым брезентовым верхом, грузовик с пехотинцами, ещё один с зенитной установкой, два кургузых броневика с крупнокалиберными пулемётами и мы – вот и весь транспорт.

Подошёл офицер с единственным угольником на шевроне, когда отдали честь, он спросил у Фомы:

– На связи от вас кто?

Пулемётчик указал на Тимура.

– С рацией работаешь или напрямую по радиоканалу?

– Ментально.

– Годится. Связь держим в обход диспетчера, подключаемся к общему каналу, – сказал лейтенант и предупредил: – Всё, ждём авиаразведку и выдвигаемся.

Черноволосый снайпер на миг зажмурился, затем открыл глаза и сообщил:

– На связи.

По его виску скатилась капля пота, никак иначе усилия по установлению ментального канала себя не проявили.

– Дистанция – пятьсот метров, самое большее километр. Сильнее от нас не отрывайтесь.

– Так точно, – очень спокойно и по-деловому ответил Фома Коромысло, и лейтенант ушёл в караульное помещение.

Я с интересом уставился на снайпера и спросил:

– А все так могут?

– Не, – мотнул головой пулемётчик. – Я только накоротке связь держать могу, в зоне прямой видимости. И недолго. А большинство и такое общение освоить не в силах.

– Мой случай, – усмехнулся я.

Тут Тимур встрепенулся и запрокинул голову. Я проследил за его взглядом и вскоре разглядел в небе силуэт аэроплана. Тот выписал над нами круг и немного снизился, затем покачал крыльями и вновь начал набирать высоту, взяв направление на Эпицентр.

– Выдвигаемся! – объявил Тимур и принялся застёгивать кожаную куртку.

Я взглянул на младшего сержанта, и тот махнул рукой.

– Ходу!

Движок завёлся после первого же толчка педали пускового устройства, а стоило только всем разместиться на своих

местах, я опустил на лицо мотоциклетные очки и покатил по дороге.

– Петя, не гони, – повысив голос, одёрнул меня пулемётчик. – Мы головной дозор, наше дело – дорогу проверять, а не заезд на скорость устраивать. Тимур, контроль дистанции на тебе.

Я немного сбросил скорость и уточнил:

– Так нормально?

– Да, пойдёт.

И мы покатали дальше. Контрольно-пропускной пункт оказался крайним строением Кордона, сразу за ним начиналась степь, но не ровная, словно стол, как с другой стороны городка, а куда более холмистая. Ну а в остальном всё так же – пыльная лента трассы, пожухлая трава, лёгкий встречный ветерок, небо и птицы в нём, а ещё выше – солнце.

Но вот обзор оказался далеко не столь хорош, как запомнилось по первой поездке. Тут холм, там взгорок – для отстранённого наблюдения из кузова порядок, а в поездке, как выразился Фома, по «прифронтовой полосе» хотелось бы контролировать обстановку получше. Склон сопки с одной стороны, склон сопки – с другой и всё, больше толком ничего и не видно; на простор выехать за счастье.

– Слишком оторвались! – крикнул Тимур, когда мы проехали мимо столба с отметкой «сорок четыре».

Пулемётчик оглянулся и скомандовал:

– Наверху остановись!

«Наверху» – это на вершине вытянутого холма со столь пологим склоном, что дорогу проложили напрямик через него. Движок начал порывивать, но мотоцикл преодолел подъём без всякого труда. Ну а там я сразу сообразил, что место для остановки выбрано отнюдь не случайно: очень уж замечательный оттуда открывался обзор. Даже показалось, будто на востоке небо чуть светлее; от одного взгляда заломило глаза.

Эпицентр. Так сказывалась пусть и относительная, но всё же близость Эпицентра.

– Нормально? – обратился ко мне Фома. – Голова не кружится?

Я задумчиво пожал плечами.

– Да вроде нет. А должна?

– По-разному бывает, – уклончиво ответил пулемётчик, снял с окуляров висевшего на груди бинокля крышечку и поднёс его к глазам.

Не став отвлекать его, я приложил ладонь козырьком ко лбу и осмотрелся, благо местность просматривалась отсюда на добрый десяток километров. Серая лента дороги петляла меж пригорков, она то забирала к югу и вырывалась на степной простор, то виляла обратно и тянулась по опушке напоздавшего с севера леса, а где-то и шла напрямик через заросли.

Когда её прокладывали, такое положение дел никого не беспокоило, а вот сейчас с точки зрения обеспечения без-

опасности ситуация складывалась не из лучших, это было очевидно даже дилетанту вроде меня. И ещё показалась какой-то очень уж нарочито-чёткой граница между лесом и степью. Справа от дороги виднелось лишь несколько рощиц, в то время как слева, куда ни кинь взгляд, зеленели деревья. И это разделение точно не было вызвано деятельностью человека, скорее уж подобным образом сказывался феномен Эпицентра.

Я так увлёкся открывшимся видом, что совсем упустил из виду соскользнувшего со своего места позади меня Тимура. Винтовку тот оставил в креплении, встал рядом и повёл перед собой ладонями, словно разглаживал на невидимой стене невидимую газету. Лёгким жжением пришлось по коже излучение перенасыщенного сверхэнергией пространства, а воздух перед снайпером словно загустел и немного даже искался.

Странные манипуляции не на шутку заинтересовали, я подался к Фоме и прошептал:

– Чего это он?

– Воздушную лизну сделал, – так же вполголоса пояснил пулемётчик. – Увеличение отличное, но слишком парусность высокая – на ходу нельзя использовать. Да ты подойди, не бойся! Сам посмотри!

Я слез с мотоцикла, обошёл Тимура и заглянул ему через плечо. Такое впечатление – чужие очки с неправильными диоптриями надел: вроде каждая деталь предельно чётко вы-

глядит, а в единую картинку изображение не складывается.

– Уф-ф... – поморщился я и несколько раз моргнул, отгоняя подступившую дурноту.

– Да ты просто не в фокусе, – усмехнулся снайпер, продолжая ладонями смещать воздушную линзу из стороны в сторону.

– Ну что там? – спросил Фома.

– Конвой едет, – сообщил стрелок. – погоди, сейчас с диспетчером свяжусь. – Он с минуту молчал, затем сказал: – Порядок, это наши, по расписанию идут.

– В любом случае колонне дай знать.

– Уже.

– Что-нибудь ещё?

– Нет, погнали!

Тимур забрался на заднее сиденье, я тоже медлить не стал, но Фома меня придержал:

– Петя, мотай на ус: левый сектор – Тимура, мой – правый. Ну а твоя зона ответственности – дорога и обочины. И не просто контролируй их, а высматривай всё непонятное. И главное – запоминай. Тут по возможности стараются ничего не менять, если появляются новые кочки или ямы – это всегда подозрительно. Возможна закладка взрывного устройства.

– Серьёзно?

– Были случаи, – подтвердил младший сержант, повесил бинокль на грудь, поправил шлем и дал отмашку: – Поехали!

Мотоцикл неспешно покатыл вниз под горку, и какое-то время мы пылили по тянувшейся через степь дороге, а уже на подъезде к лесной опушке из-за деревьев навстречу нам вывернули три грузовика. Фома поднял в знак приветствия левую руку, шофёр первого из автомобилей коротко бикнул в ответ. Так и разъехались.

А только я смахнул пыль с очков, пулемётчик обернулся и крикнул:

– Тимур, что воздух?

– Молчит! – отозвался ефрейтор.

– Прибавь! – приказал тогда мне Фома, а минут через пять велел съезжать с дороги и ехать напрямик через степь к соседнему холму, который вполне мог послужить огневой позицией, реши вдруг кто-нибудь обстрелять автоколонну издалека.

Трава скрывала камни и неровности, и гнать по бездорожью я не рискнул: пулемётчик пару раз даже подгонял, призывая прибавить газу. Руль так и кидало из стороны в сторону, но въехал как-то на пологий склон, справился. На вершине – никого, только чернели копотью сложенные в костровой круг камни.

Тимур и Фома завертели головами по сторонам, а уже через пару минут младший сержант заторопился.

– Погнали!

Высказывать претензий из-за слишком медленной езды по целине он не стал, но в интонациях мне почудились раз-

дражение и недовольство. Поэтому на обратном пути заставил себя позабыть об осторожности, но и так едва не опоздали с возвращением на дорогу – автоколонна с броневиком во главе к этому времени уже показалась из-за ближайшего холма. Пришлось прибавить газу.

Немного погодя трасса начала забираться к северу, пошла напрямик через лес, и хоть обочины были очищены от деревьев, как-то сразу сделалось не по себе. На открытом пространстве утешала иллюзия, будто контролируешь обстановку, а тут пальнут из кустов – и все дела. А пальнуть определённо могли: очень уж напряжёнными и собранными стали мои спутники.

Пару минут спустя попался съезд в лес – не просёлок даже, просто две накатанные в высокой траве колеи, и Фома указал на них. Спрашивать я ничего не стал, чуть сбросил скорость, потом вывернул руль. На кочке люльку подкинуло, но удержал мотоцикл под контролем, погнал по проезду между деревьями, который особо от трассы не удалялся и преимущественно тянулся параллельно ей.

Примерно через полкилометра мы вернулись на дорогу и на всех парах помчали в обратном направлении. У съезда развернулись и вновь покатали к Эпицентру. На этот раз обошлось без недовольного сопения.

Минут через десять мы проскочили через мост над тихой лесной речушкой, в тени высоченных сосен там прятался от солнцепёка броневик. Насколько понял, Тимур связал-

ся с его экипажем ещё на подъезде, проехали мимо без остановок. Дальше трасса принялась виться меж лесистых холмов, а потом вновь вырвалась на степной простор. Там ещё несколько раз пришлось съезжать на целину, а на одном из пригорков даже заметили мотокоманду вроде нашей.

Припекать начало на подъезде к двадцать шестому километру. На блокпосте, перекрывавшем дорогу у контрольно-следовой полосы, мы даже сделали минутную остановку. Мои спутники перекинулись парой слов с дежурившими там бойцами, а я стянул танковый шлем, приник к фляжке и разом её чуть ли не ополовинил. Да ещё вылил немного воды на затылок, помотал головой.

– Живой? – обеспокоенно уточнил вернувшийся к мотоциклу Фома. – Сможешь дальше ехать или сменить?

Я уставился на младшего сержанта с нескрываемым удивлением.

– Зачем ещё? Конечно, смогу!

– Ну, смотри. С непривычки близость Эпицентра по-всякому сказываться может. Дай знать, если что.

– Хорошо.

Но – не пришлось. Доставил сослуживцев на место в лучшем виде. Взмок, конечно, и поначалу десять раз пожалеть успел, что кожаный плащ надел, потом только осознал собственную неправоту. Жарило не солнце, жарил Эпицентр. Стоило только кинуть взгляд в его сторону, и глаза начинало печь так, будто слишком сильно приблизил лицо к открытой

дверце растопленной печи. Ладно хоть ещё только неприятным жжением и ломотой в костях дело и ограничилось: ни головокружения, ни слабости в конечностях я на сей раз не ощутил.

Да и на солнцепёке нас держать не стали: прежде чем пойти утрясать какие-то формальности, Фома велел загнать мотоцикл под навес; вот в его тени мы с Тимуром и расположились. Я скинул плащ, снайпер избавился от куртки, сидели, пили воду, переводили дух. А там и автоколонна прибыла.

После нашего отъезда к ней присоединился легковой автомобиль, судя по вымпелу на капоте с коронованным красным львом, принадлежавший айлийской дипломатической миссии. Выбравшиеся из него важного вида господа начали общаться с пассажирами автобусов – молодыми людьми, подтянутыми и спортивными, внешним видом вызвавшими ассоциации с кадетами военных училищ.

Подачи им транспорта для заезда в Эпицентр мы не дождались; вернулся Фома Коромысло, задумчиво потёр нос, глянул на меня с неприкрытым сомнением и сказал:

– С дирижабля непонятную активность в двадцати километрах отсюда засекли, просят проверить. У нас два часа в запасе – как раз обернуться успеем.

Тимур, который только достал из вещевого мешка газетный свёрток с парой бутербродов, страдальчески поморщился и сунул еду обратно.

– А что за активность? – насторожился я.

Фома разложил на люльке карту местности и принялся водить по ней пальцем, составляя маршрут, вместо него ответил снайпер:

– Да мало ли какая ерунда наблюдателям сверху померещилась? Они там дуреют от безделья. Слушай, Фома, а от соседнего опорного пункта туда не ближе будет?

– Нет, это к северо-западу отсюда, – помотал головой пулемётчик. – Мы ближе всех.

Я выглянул из-под навеса и посмотрел в небо, где в ничем не замутнённой синеве явственно просматривался вытянутый силуэт зависшего на высоте нескольких километров дирижабля. Во фляжке ещё плескалась вода, я сделал пару глотков, завернул крышечку и принялся одеваться.

– Такая вот, Петя, у нас служба, – с усмешкой заявил Фома, убирая карту в планшет. – А ты как думал? Мы не просто трассу патрулируем, но ещё и разведкой местности занимаемся. Проще нас сгонять, чем вездеход. И егерей по таким пустякам не вызывают, а пешком тут не находишься – слишком от Эпицентра припекает.

– Уже заметил, – вздохнул я.

– И вот ещё что, – сурово глянул на меня младший сержант, – давай-ка ты повышай мастерство управления мотоциклом! Нам мобильность до зарезу нужна, не можем позволить себе ползать с черепашьей скоростью.

Тут уж я ничего говорить не стал, молча завёл движок.

Ехать выпало на север. Поначалу достаточно долго пыли-

ли по двум колеям, проложенным напрямик через степь патрульным автотранспортом, а потом холмисто-неровная местность с рошицами и перелесками осталась позади, мы въехали в тайгу и покатали по просеке.

Трясло мотоцикл изрядно, и я не гнал, но, памятуя о высказанной претензии, и с черепашьей скоростью не полз, благо примятая колёсами моих предшественников трава не могла скрыть ни ям, ни камней. Дорожная пыль в кои-то веки пропала, на полянках стоял одуряющий аромат лесных цветов, порхали бабочки и жужжали шмели, но моих спутников красоты природы несколько не привлекали, держались они настороже. И, глядя на них, не расслаблялся и я сам.

Наверное, именно поэтому и уловил, как по коже пробежался колючий холодок. Нечто подобное испытывал, когда слишком пристально смотрел в сторону Эпицентра, но тогда начинало зудеть за глазными яблоками, а тут морозом всего так и обдало. По тормозам я ударил совершенно инстинктивно, и мотоцикл замер, не успев выехать на прогалину меж высоченных сосен.

– Ты чего? – охнул Тимур, которого качнуло вперёд, и ему даже пришлось упереться в меня ладонью.

– Тсс! – шикнул на него Фома, вскинув руку. – Чуешь, сквозит?

Снайпер выпрямился и мотнул головой.

– Нет, я ж на связи. – Он закрыл глаза и кивнул. – Ага, сквозит. Морок.

– Это что такое? – опешил я.

Пулемётчик выбрался из люльки, встал на краю поляны и поманил меня к себе.

– Морок – это нестабильная зона повышенной концентрации сверхэнергии, – сказал он как по писаному и добавил: – Обычное дело в окрестностях Эпицентра.

Теперь, когда смолкло стрекотание мотоциклетного движка, я расслышал шум крон и поскрипывание стволов, поэтому к Фоме двинулся с откровенной опаской, но ничего чрезвычайного на прогалинке не углядел. Разве что воздух там показался каким-то слишком уж густым, он тёк словно нематериальная река, а каждый вдох отзывался в лёгких неприятным покалыванием.

– Видишь? – уточнил младший сержант.

Я кивнул и спросил:

– Это опасно?

– Это? Нет. Но иногда концентрация сверхсилы зашкаливает, тогда и молниями сыпануть может. Только и сюда тоже лучше не соваться, лишние нагрузки для организма.

– И что теперь делать?

– Объезжать.

Пришлось, ломая кусты, разворачиваться и возвращаться назад, искать прорехи среди деревьев, благо господство высоченных сосен мешало разрастись подлеску, а рельеф местности оказался не слишком сложным. Справился.

Мы отмахали ещё несколько километров по просеке, за-

тем свернули на широкую тропу и поехали по той, подныривая под ветки и уклоняясь от сучьев. Ладно хоть развернувший карту Фома подсказал выезд на соседнюю просеку, на ней удалось прибавить скорость. Но совсем уж откровенно не гнал – близость Эпицентра начала сказываться на концентрации не лучшим образом, ощущал себя куском мяса, неравномерно прожаривавшимся с одного бока; пот по лицу так и тёк, поток встречного воздуха сносил его со щёк и висков к ушам.

А потом на глаза попался странный условный знак в виде отметивших сосновый ствол горизонтальных полос – белой, красной и снова белой. Намалевали их точно неспроста, и я сбросил скорость, но Фома только рукой махнул.

– Порядок!

Мы проехали ещё метров сто, и вновь я ощутил знакомый холодок. Тогда остановил мотоцикл и предупредил:

– Похоже, там опять морок.

– Нет, – мотнул головой младший сержант. – Не морок, а клякса – то бишь, стабильная зона повышенной концентрации сверхэнергии. Чувствуешь её?

Я прислушался к своим ощущениям и указал вперёд и немного левее направления, в котором уходила просека.

– Ничего не чувствую! – заявил тогда Тимур.

– Я тоже, – кивнул Фома. – Но Петя чувствует, поэтому пойдём напрямик через лес, мотоцикл тут оставим. Посмотрим, что за шевеление там такое.

– Даже так? – насторожился я, когда младший сержант протянул мне ранец с запасным боекомплектom, а сам принялся снимать с вертлюга пулемёт. – К чему такие предосторожности? И почему туда просто не подъехать?

– Клякса для чёрных старателей ровно золотая жила, а это люд лихой – могут и пальнуть. Ну и без них на проблемы нарваться легче лёгкого. – Пулемётчик закинул ремень РПД на шею и ухватился левой рукой за сошку, после продолжил: – Сверхспособности вблизи кляксы задействуй только в самом-самом крайнем случае, если держишь внутренний потенциал – сбрось. А то может так коротнуть, пепла не останется. Это тебе не Эпицентр, тут фон нестабилен.

– Да какой у него потенциал? – фыркнул вооружившийся винтовкой Тимур. – Он ещё даже на подстройку не ездил!

– Инструктаж положено провести – я инструктаж провёл. Ходу, Петя. Из графика выбиваемся. – И Фома Коромысло сделал приглашающий жест.

Я так и вытаращился на него.

– В смысле?

– Близость кляксы у операторов чего-то там нарушает, вполне реально в трёх соснах заблудиться, – пояснил Фома. – Мы все на Эпицентр завязаны, а тут дополнительный источник излучения, вот чуйка и начинает сбоить. Но если ты кляксу уловил, то доведёшь без проблем. Просто прислушайся к своим ощущениям.

Я покрутил головой по сторонам и двинулся по лесу, ори-

ентируясь на неприятные ощущения; толком разобрать жжёт близость кляксы или морозит, не удавалось. Под сапогами мягко пружинила рыжая прелая хвоя, но совсем уж бесшумно передвигаться не получалось: как ни старался осторожничать, нет-нет да и наступал на сухие ветки. Кустов под соснами почти не росло, и даже так обзор оставлял желать лучшего, очень скоро начало казаться, будто краешком глаза ловлю стремительные движения на самой грани видимости. Но нет – это лишь самовнушение, нервы и не более того.

Затем пришлось подниматься по замшелым гранитным валунам на небольшую горку, по пути попало несколько поваленных стволов, а уже у вершины Фома негромко шикнул, приказав остановиться. Следующие несколько метров он пробирался, пригнувшись, а потом и вовсе пополз по-пластунски. Наш снайпер последовал примеру пулемётчика, я подумал-подумал да и присоединился к сослуживцам.

Сверху «клякса» ничуть не напоминала лужицу чернил; проплешина и проплешина. Но интересоваться причиной столь неподходящего названия я не стал, принялся шарить глазами по лесу в поисках нарушителей или хоть какого-нибудь движения, а там – никого и ничего. Пусто.

Просто энергетическая аномалия, всего лишь прореха посреди леса.

– Никого, – подтвердил мой вывод Тимур.

– Но что-то же тут наблюдатели засекли, – проворчал Фома и распорядился: – Мы с Петей спускаемся, ты прикрывай.

– Лады.

Младший сержант поднялся, поудобней перехватил РПД и стал без лишней спешки переступать с камня на камень. Я с пистолетом-пулемётом наизготовку соскользнул с валуна и короткими перебежками двинулся от сосны к сосне, но не из желания укрыться за деревьями от возможного обстрела, просто иначе существовала реальная опасность оступиться и полететь вниз кубарем.

По мере спуска меня всё сильнее пробирал озноб, повеяло неприятным холодком, словно забрался в ледник, кожу защипало разлитое в воздухе статическое напряжение. А уже в непосредственной близости от кляксы я понял, откуда взялось такое название. Несмотря на засушливую погоду, земля в центре аномалии выглядела влажной и липкой, поверхность коричневой грязи колыхалась рябью под самым лёгким дуновением ветерка. Казалось, привести в движение её могут даже мои собственные шаги.

Фома замер в паре десятков шагов от кляксы и принялся внимательно оглядывать землю, деревья и всё кругом. Не знаю, что именно он рассчитывал тут обнаружить, сам я не видел ни малейших признаков недавнего присутствия человека.

Но то я – городской житель, а вот пулемётчик вдруг замер и очень медленно и плавно приподнял РПД, после столь же медленно и плавно попятился назад. Я проследил за его взглядом и обнаружил изодранную когтями неведомого зве-

ря сосну. Хотя отметины и начинались на высоте метров трёх и ещё сочились свежей смолой, мне было решительно непонятно, что именно встревожило командира группы.

Пусть даже это медведь – нам ли с пулемётом бояться ко-солапого?

Но Фома точно неспроста выдохнул беззвучное:

– Уходим!

И я не стал медлить, двинулся обратно к взгорку столь же настороженно, что и сослуживец. И вновь – движение на самой границе видимости. И вновь – просто нервы.

Мне хотелось так думать.

На вершине пулемётчик приложил палец к губам, призывая снайпера к молчанию, затем ткнул указательным пальцем в сторону, где остался наш мотоцикл.

– Веди!

Приказ едва не поставил в тупик, но с некоторым удивлением я вдруг осознал, что и в самом деле знаю, куда идти. И действительно – сумел сориентироваться на местности и вывел нас к транспорту, не заплутал в лесу.

– Что там? – спросил Тимур у вертевшего головой по сторонам пулемётчика.

– Медведь. Вызывай егерей. Петя, ходу!

Время для расспросов было точно не самым подходящим, и я несколькими нервными толчками педали пускового устройства завёл движок, кое-как развернулся на просеке и покатил прочь. Сначала неспешно, боясь зацепить головой

ветку, ну а потом будто в спину что-то кольнуло. Я обернулся и самым краешком глаза заметил смазанное движение в лесу; на этот раз – отнюдь не иллюзорное!

Тень от облака по земле пробежала?

Строго параллельным курсом?!

Я ускорился, кинул назад быстрый взгляд и обнаружил, что тень тоже ускорилась, но не приближается и выдерживает дистанцию, будто готовится к последнему решительному рывку. Накатила паника, усилием воли взял себя в руки, пригнулся и помчал дальше.

Фома закреплять пулемёт на вертлюге не стал, так до самой опушки и ехал вполоборота, а когда удалились от леса метров на сто, скомандовал:

– Тормози!

После младший сержант выбрался из люльки, прошёлся туда-обратно, разминая ноги, жадно напился из запрокинутой фляжки.

– Да что не так с медведем?! – спросил я, не сдержав любопытства.

Фома передёрнул плечами.

– Чтоб ты знал, Петя: всякая нормальная тварь божия старается держаться подальше от таких вот аномалий. Но иногда их цепляет. Те, которые нацеливаются на Эпицентр, там и сгорают, а вот кляксы – случай особый. Если медведь в округе не первый день обретается, его очередью из пулемёта не пронять. Из крупняка разве только.

– Ты ещё расскажи, почему операторов ближе пятидесяти километров к Эпицентру не хоронят! – нервно хохотнул Тимур.

– В другой раз! – отмахнулся Фома. – Всё, погнали.

С вездеходом егерей мы повстречались уже на подъезде к контрольно-пропускному пункту Эпицентра. Пыливший по степи автомобиль сбросил скорость, я тоже остановился.

– Фома, неужели сам не мог справиться? – поинтересовался рыжеволосый старшина. – Следы когтей увидел и сразу штанишки намочил?

Пулемётчик за словом в карман не полез и сходу выдал в ответ:

– Олежа, в сознательном возрасте я от страха лишь раз описался – когда твою невесту увидел!

После этого обмена любезностями и разъехались. На пропускном пункте Тимур поделился с приятелем бутербродом, а я в несколько глотков осушил фляжку, сходил до автоцистерны и пополнил там запасы воды. Ну а потом стали возвращаться прошедшие подстройку на Эпицентр операторы, точнее – их стали подвозить и в полубессознательном состоянии грузить в автобусы. Грузить – это в прямом смысле слова, самостоятельно никто передвигаться не мог. Ну а немного погодя нам дали команду к отправлению. Как только самолёт-разведчик к Новинску улетел, так Тимур и толкнул меня в плечо.

– Поехали.

Обратная дорога запомнилась плохо. Нет, на самочувствие я отнюдь не жаловался, и даже зной беспокоил не так уж сильно; на команды реагировал адекватно и своевременно и, даже когда пришлось гнать напрямик через степь, не сплеховал и не выбился из заданного младшим сержантом темпа, просто меня словно зацепило резиной и тянуло обратно к Эпицентру. По сути, все силы уходили на преодоление этого нематериального давления.

На контрольно-пропускном пункте Кордона, где мы расстались с автоколонной, я решил размяться, а только слез с сиденья и чуть не плюхнулся на землю, когда повело, словно пьяного. Поскорее уселся обратно, пока никто не заметил непозволительной слабости, но Фома всё же заметил.

– Расслабься! – махнул он рукой. – Нас с Тимуром по первой тоже накрывало, просто не так сильно. Для салаги ты ещё неплохо держишься, думал, на обратном пути кому-то из нас рулить придётся. Завтра дорогу до Новинска патрулировать пошлют, будет время оклематься.

– Здорово... – пробормотал я и завёл движок.

От блокпоста направился в автомобильную часть уже знакомой дорогой через госпиталь и, проезжая мимо его четырёхэтажного корпуса, заметил двух шагавших по тротуару барышень в лёгких летних платьицах и косынках. Со спины они показались знакомыми, обогнал, обернулся и обнаружил, что не ошибся: одной из девиц оказалась светловоло-

сая медсестра, проводившая осмотр соискателей перед инициацией, а второй – Оля Мороз.

Ну точно! Старшина же сказал, что её на Кордон законопатили!

Узнал бы раньше – просигналил, а так проехал мимо, не привлекая к себе внимания. У казармы стрелков ссадил Тимура, следом пришёл черёд Фомы. Дальше я заехал на территорию авточасти и немало порадовался тому, что нет нужды чистить мотоцикл и проверять состояние его агрегатов самостоятельно, – этим занялись техники. Ну а мне оставалось доложить о прибытии сержанту Козодю, сдать в оружейную комнату пистолет-пулемёт, принять душ и переодеться. Дальше оказался предоставлен самому себе.

Вышел на улицу и опустился на скамейку перевести дух, а только откинулся спиной на стену и глянул в пронзительно-синее небо, и разом закружилась голова. По всему телу растеклась ломота, и я поспешил прибегнуть к испытанному средству: стал понемногу втягивать в себя сверхэнергию и привычным уже образом вогнал сознание в лёгкий транс. Неприятные ощущения ослабли, начали сменяться мягким теплом, и глаза закрылись сами собой. Так и задремал.

Очнулся, услышав знакомый голос. Встрепенулся, увидел подошедшего к лавочке взводного, вскочил на ноги. А тот внимательно оглядел меня и озадаченно покачал головой.

– Хотелось бы мне знать, боец, что ты такого умудрился натворить в первый же день службы, если тебя требуют до-

ставить в следственный отдел...

Доставить? И точно – тут же стояли сержант и два рядовых с красными нарукавными повязками дежурных. Ну вот и началось...

Глава 3

Следственным отделом Кордона заведовал моложавый старший лейтенант с аккуратно подстриженными и уложенными светло-русыми волосами, выгоревшими на солнце до полной белизны. Открытое волевое лицо, голубые глаза, на подбородке – ямочка. Но не писанный красавец, как-то неприятно сочетались в нём смазливость и жёсткость. Вроде и внешность располагающая, и улыбается, а проглядывает во взгляде что-то хищное. Другой бы кто и не подметил этого, а я-то сейчас в положении жертвы, все чувства до предела обострены.

Но, как выяснилось минуту спустя, насчёт звания вышла ошибка – в заблуждение ввели два угольника на шевронах, в то время как Олег Семёнович Друза оказался не старшим лейтенантом, но дознавателем следственного дивизиона, опять же – старшим. Так он представился, предложив садиться на стул для посетителей под висевшим на стене республиканским раскоронованным орлом.

– Линь Пётр Сергеевич, рядовой автобронетанкового дивизиона, до вчерашнего дня – курсант учебного отделения комендатуры?

– Так точно, – подтвердил я свою личность.

Олег Семёнович взглянул на вклеенную в моё удостоверение фотокарточку, положил его на стол и посмотрел на на-

стенные часы.

– И как служба в учебном отделении? – спросил он после этого.

– Хорошо, – коротко ответил я и счёл нужным проявить беспокойство: – А в чём дело-то? Что-то случилось?

– Всему своё время, – ушёл от прямого ответа дознаватель, и тут раздался стук в дверь. – Войдите! – разрешил он, повысив голос.

Я обернулся и поднялся на ноги при виде медсестры – той самой симпатичной блондиночки, что осматривала меня перед инициацией. Вслед за ней через порог шагнул ещё один знакомый персонаж: ассистент из двадцать второго кабинета. Даже имя его припомнил: Андрей. И вот этот самый ассистент нёс небольшой кожаный чемоданчик с видом школьника, который вызвался проводить домой одноклассницу и тащит её портфель.

И вот какое дело – несмотря на всю нелепость, эта ассоциация оказалась верна на все сто процентов. Олег Семёнович воззрился на молодого человека с нескрываемым удивлением.

– Андрей Игоревич, вы тут зачем? – спросил он несколько даже раздраженно.

Помощник доцента ничуть не смутился и с важным видом заявил:

– Буду оказывать консультационную поддержку...

– В этом нет нужды! – отрезал дознаватель. – Валентина

Васильевна достаточно компетентна, чтобы ассистировать мне самостоятельно!

Андрей насупился и поставил саквояж на пустой стул, но, прежде чем покинуть кабинет, кинул на меня быстрый взгляд, узнал и злорадно усмехнулся.

– Дохлый номер. Ничего у вас с ним не выйдет.

– О чём это вы?! – изумился хозяин кабинета.

Ассистент доцента указал на меня и подсказал:

– У него ментальная защита близка к абсолютной. Без медикаментозных средств не продавить.

Олег Семёнович выдвинул верхний ящик стола, извлёк из него мою учётную книжку и принялся её листать. Очень скоро он отыскал соответствующую запись и озадаченно хмыкнул.

– И в самом деле. Ладно, Андрей Игоревич, какую степень воздействия рекомендуете?

Молодой человек неопределённо пожал плечами.

– Это во многом зависит от веса и текущего развития сверхспособностей. Направьте заявку через главврача, обсчитаем.

– И зачем нам эти формальности? Мне сегодня допрос провести нужно, не через неделю!

– Без формальностей никак – препарат под строгим учётом. А тянуть с заявкой не будем, уже завтра ответ дадим.

Я откашлялся, привлекая к себе внимание, и заявил:

– При всём уважении, но после прошлого укола я чуть ду-

ба не дал. Меня в распределительном центре едва откачали. Давление ниже плинтуса упало! И это... что-то там с дыханием осложнилось.

– Да неужели? – недоверчиво хмыкнул дознаватель.

– Всё записано должно быть, – указал я на учётную книжку. – А на словах врач сказал, чтобы всех сразу о том случае оповещал.

Олег Семёнович вновь зашелестел жёлтыми листами, затем внимательно изучил сделанную сегодня утром запись, повертел головой, изучая печать и подпись.

– Взгляните-ка, – предложил он Андрею.

Тот бегло просмотрел написанное и кивнул.

– Ну, клиническая картина ясна. Тут прямое противопоказание, риск летального исхода слишком велик, мы такую заявку не согласуем. Пероральный приём, конечно, сведёт к минимуму вероятность внезапной остановки дыхания, но в этом случае побочные эффекты просто будут носить отложенный характер. Осложнения смогут проявиться и через неделю, и через две.

– Аналоги? – деловито уточнил хозяин кабинета, и у меня по спине пробежал неприятный холодок.

А ну как Альберт Павлович подобных тонкостей не предусмотрел?

Но – обошлось. Андрей ещё раз бегло проглядел мой анамнез и покачал головой.

– Другими действующими веществами его не пронять, а

у всех возможных аналогов разве что фирменные наименования и дозировки разнятся.

Тут я не утерпел и вновь подскочил со стула.

– Да что происходит-то? В чём меня обвиняют?!

– Сядь! – резко бросил дознаватель, раздражённо постукал пальцами по краю стола, затем кивнул и заявил: – Что ж, ограничимся простым опросом. Валентина Васильевна, останься, ты мне ещё понадобишься. Андрей Игоревич...

Молодой человек понял всё с полуслова, предупредил:

– Подожду в коридоре, – и вышел за дверь.

Олег Семёнович с тяжёлым вздохом откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула и вдруг спросил:

– Что тебе известно об убийстве Казимира Мышека?

– Чего?! – округлил я в изумлении глаза. – Какое ещё убийство? Он в медсанчасти лежит! И это случайно вышло! Я дубинку в грязь уронил, вот её и замкнуло! Какое ещё убийство?

Почудилось давление чужой воли – не иначе на меня попыталась воздействовать Валентина, но дело ограничилось лишь жжением в области темечка и ломотой в затылке.

Дознаватель снова вздохнул и возвращаться к убийству не стал, зашёл с другой стороны.

– Чем был вызван ваш конфликт?

– Какой конфликт? Не было никакого конфликта! Я же говорю – случайно всё получилось! – экспрессивно выкрикнул я, опомнился и добавил: – И почему убийство? Кого убили?

Казимира? Когда?

Тут меня и начали крутить. Ментальное воздействие усилилось, оно отвлекало и мешало сосредоточиться, но так я выглядел ещё даже более искренним и сбитым с толку. Вот только если начистоту – не подготовь меня к допросу Альберт Павлович, точно бы прокололся на какой-нибудь мелочи. Может, и не сболтнул бы лишнего, но, как пить дать, сфальшивил бы. А так вроде обошлось. Не сумел дознаватель ни на противоречиях подловить, ни за какую-нибудь случайную оговорку зацепиться, хоть голова от беспрестанных расспросов под конец просто шла кругом. Мурыжили меня никак не меньше часа, чуть наизнанку не вывернули.

– И что теперь? – спросил я напоследок.

– Не ко мне вопрос, – хмыкнул Олег Семёнович. – Я своё дело сделал, тебя опросил. Ведение прочих следственных мероприятий пока вне пределов моей компетенции. Подпись поставь и свободен.

Я бегло просмотрел протокол, добавил снизу «с моих слов записано верно», расписался. Ну и отправился восвояси. Точнее, сначала я никуда не отправился – вышел за ворота комендатуры, с шумом выдохнул, вытер вспотевшее лицо. Потом добрёл до палатки на перекрёстке и дал тётке в замызанном белом переднике двадцать копеек. Та выбрала из блюдечка с влажной мелочью несколько медяков и вручила мне сдачу, после наполнила стакан газированной водой с сиропом.

Я в несколько длинных глотков осушил его и только двинулся в расположение мотоциклетного взвода, как из тарелки репродуктора на уличном столбе понеслись сигналы точного времени.

Ох ты, чёрт! Вечерняя тренировка!

Повертев головой по сторонам, я сориентировался на местности и со всех ног кинулся к спортивному комплексу, а уже у футбольного стадиона сообразил, что не прихватил с собой ни майки и трико, ни комбинезона. Но возвращаться не стал и, как оказалось, правильно сделал: и без того прапорщик авиадесантников очень уж недобро свои кустистые брови нахмурил.

– Опаздываешь!

– Срочный вызов, господин прапорщик!

– Сразу в дежурную смену поставили?

Вызов в следственный дивизион никак не был связан с моим дежурством, но пускаться в объяснения я не стал и ответил предельно лаконично:

– Так точно!

Николай Тарасович оглянулся на полосу препятствий, которую проходили его подопечные, и махнул рукой.

– Ладно, вижу, разогрелся уже. Разминайся и поглядим, с чем тебя едят.

Я искренне полагал, что мнение о моих способностях успели составить во время утренней тренировки, но благо-разумно промолчал, избавился от гимнастёрки и ремня с ко-

бурой, разулся и приступил к растяжке. После по заведённой традиции погрузился в медитацию, заодно попытался выполнить поручение Трофима Фёдоровича. С концентрацией сверхэнергии для ускоренного запуска алхимической печи ничего не вышло и прогнать волну по телу тоже не получалось, а вот с последним из заданий если и не разобрался полностью, то как минимум нащупал варианты его решения.

Довести дело до конца помешала команда продемонстрировать свои успехи в технике закрытой руки. Для начала прапорщик просто наблюдал со стороны за тем, как я колочу по доскам, а затем, к изумлению начавших подтягиваться от полосы препятствий десантников, принялся лупцевать меня дубинкой. И вот тут уж пришлось лихо. Как ни старался погасить удары сверхсилой, без синяков всё же не обошлось.

После Николай Тарасович велел приводить себя в порядок, а сам занялся запыхавшимися подопечными, среди которых оказалось лишь четыре оператора. Не знаю как, но осознал это со всей ясностью, исходили от них некие смутно уловимые эманации. А от остальных – нет.

Когда прапорщик освободился, я решил проверить свою догадку и справился на этот счёт; Николай Тарасович без всякого воодушевления кивнул.

– Всё так. Это в егеря только операторов берут, а нас по остаточному принципу комплектуют. Не самый дальновидный подход, но тут как в поговорке: сапожник без сапог. Кадровый голод в корпусе вовсе не выдумки нерадивых коман-

диров. Увы-увы.

Прапорщик досадливо махнул рукой и велел отрабатывать ударную технику на боксёрских грушах.

– С такой конституцией – это первое дело, – заявил он, – тут с твоим инструктором полностью согласен. Ещё натаскаю от захватов освободиться, ну и кое-какие навыки борьбы в партере для общего развития поставлю. Но прямо скажу: борьба – это не твоё. Хлипковат ты для этого. Мышечную массу ещё наращивать и наращивать.

Так вот я и начал выбивать пыль из мешков с опилками, а Николай Тарасович время от времени поправлял и давал советы, но больше занимался десантниками; как ни крути, одному контролировать двадцать новобранцев не так-то и просто. Когда дело дошло до отработки бросков и спаррингов, в помощь прапорщику подошла четвёрка старослужащих.

Кудрявый круглолицый старшина показался несколько упитанней, чем того ждёшь от парашютиста, а невысокая девушка-сержант отличалась на диво мощным сложением, её плечи шириной почти не уступали бёдрам, а закатанные рукава открывали мускулистые предплечья. И пусть скуластое лицо не особо портил крупный нос, а гимнастёрка едва сходилась на крупной груди, на ум само собой пришло определение «бой-баба».

На подтянутого паренька с нашивками ефрейтора я едва взглянул, а вот к пребывавшей в том же звании белобрысой девице взгляд прикипел сам собой. Спортивная фигура у той

оказалась просто на загляденье: стройные мускулистые ноги – длинными, талия – узкой, бюст – куда больше среднего.

Наверное, я слишком уж засмотрелся, и барышня насмешливо бросила:

– Глаза не сломай!

Личико её было острым, а небольшой носик и кожа под глазами выглядели болезненно покрасневшими, это обстоятельство заставило испытать нечто сродни разочарованию. Наверное, именно оно и помогло перебороть смущение и найтись с ответом.

Я постучал себя по правой стороне груди и спросил, хоть и без того прекрасно знал ответ:

– «Отличник-парашютист» – это сколько прыжков?

– Восемь! – сообщила девица, насмешливо фыркнув, и поспешила за остальными.

К слову, у старшины на груди посверкивал знак инструктора, да и выглядел он старше других десантников; я бы дал ему лет двадцать пять – двадцать семь.

Прапорщик распределил новобранцев между помощниками, а сам вернулся ко мне. Постоял, понаблюдал, затем сказал:

– Нормально обрабатывать входящий поток не обучен или неспособен?

Я вздохнул и пояснил:

– Учить – учили, но пока без толку. Постоянно обрывается.

– Тренируйся! – распорядился Николай Тарасович. – На одном внутреннем потенциале далеко не уедешь. И вот ещё что: техникой открытой руки владеешь?

– Самыми азами.

Прапорщик кивнул, подошёл к набитому опилками кожаному мешку и легонько толкнул его ладонью. Тот отклонился чуть ли не на девяносто градусов, повисел так мгновение, а затем ухнул обратно, принялся раскачиваться на цепи.

– Что я сделал? – спросил тогда у меня инструктор.

Я только головой покачал. Простой выплеск сверхсилы разметал бы содержимое мешка по всей площадке, тут же воздействие было несравненно более тонким. Уловить его – уловил, но вот распознать не вышло.

– Кинетической энергией управлять учили?

Вопрос прапорщика заставил озадаченно хмыкнуть.

Так это был импульс? Как интересно!

– Учили, – подтвердил я. – Но не освоил пока толком.

– Пробуй, – коротко бросил Николай Тарасович и ушёл контролировать десантников.

Ха! Легко сказать – пробуй! Уж сколько в училище пробоval, а всё без толку!

Попытка схалтурить и воспользоваться техникой алхимической печи не продвинула бы меня в оперировании сверхэнергией ни на пядь, поэтому решил последовать совету и совместить обработку входящего потока с оперированием кинетической энергией.

Первым делом я на пробу качнул мешок и оценил вес, затем несколько раз легонько стукнул его кулаком и наконец обратился к сверхэнергии, дотянулся до неё, направил в себя и привычным образом закрутил.

Памятуя о том, сколь непросто было вдавить в тренажёр стержни, я посчитал нужным предварительно подготовиться и постарался войти в состояние равновесия. Не погрузился в транс, просто размеренно задышал.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

И сразу – толчок!

Двинул раскрытой ладонью, одновременно передал импульс, и набитый опилками кожаный мешок резко качнулся, так что скрипнули крепления, взлетел и хорошенько приложился о навес, а после со страшной скоростью ринулся обратно!

Я был столь ошеломлён собственным успехом, что едва успел выставить руки, прежде чем тяжёлый спортивный снаряд врезался в меня и отбросил на несколько шагов назад.

Вот это да!

– Что ещё за фокусы?! – раздражённо рыкнул Николай Тарасович, грозно встопорщив кустистые брови.

Я сходу даже слов подобрать не сумел, указал на маятниковом раскачивавшийся мешок и пролепетал:

– Да я... Просто... Да просто импульс передал!

Среди десантников послышались смешки, но развеселило моё объяснение исключительно помощников инструктора.

ра, новобранцы поглядели кто с завистью, кто с уважением.

– Импульс он передал! – фыркнул прапорщик. – А усилие кто контролировать будет? Кто, я тебя спрашиваю?

– Виноват, – потупился я. – Просто с фокусировкой проблемы...

– С фокусировкой у него проблемы! – продолжил возмущаться Николай Тарасович. – Ты мне брось инвентарь портить! Потрудись обеспечить отклонение от вертикали на срок пять градусов, не больше и не меньше! К упражнению приступить!

– Будет исполнено! – браво выдал я, хоть и сомневался в собственной способности обеспечить стабильный результат.

Как бы то ни было – попробовал. На этот раз заходя к сверхсиле обращаться не стал и задействовал лишь входящий поток, но побоялся переборщить, и мешок лишь немного качнулся. Неудача меня не остановила, и следующая попытка оказалась куда более продуктивной, а ещё в момент толчка я вдруг неким сверхчутьём оценил инерцию своей цели и выдал импульс далеко не столь сильный, какой намеревался изначально.

До затребованного прапорщиком угла мешок не поднялся – отклонился самое большее градусов на тридцать и качнулся обратно, стремительно закручиваясь вокруг оси. Железные звенья цепи заскрипели, но выдержали, а там я придержал спортивный снаряд, позволил ему завертеться в обратном направлении.

– Другое дело! – похвалил меня Николай Тарасович. – Работай!

С третьей или четвёртой попытки я окончательно приновился выдавать нужный импульс и промашек больше не допускал, но совсем уж возгордиться своими достижениями не позволила определённая нестабильность результатов. Подозреваю, дело было в странном побочном эффекте, который приводил к закручиванию мешка против часовой стрелки, словно вектор приложения моих сил не носил полностью линейный характер.

Как бы то ни было, прапорщик моими достижениями оказался вполне удовлетворён и отпустил одновременно с новобранцами, а вот помощников из числа старослужащих отправил переодеваться.

– Завтра попробую тебя с ребятами погонять, – пообещал он напоследок, ничуть тем самым не воодушевив; разве что порадовала отсрочка: всё же завтра – это не сегодня.

Вымотался я за время тренировки так, что не осталось сил даже на медитацию, кое-как доковылял до летнего душа, сполоснулся под редкими струйками, там же и напился нагретой за день воды, а после задумался, как быть дальше: идти устраиваться в общежитие или для начала поужинать?

Жажду я немного утолил, а вот есть хотелось просто жутко, именно голод и подвигнул направиться в сторону госпиталя. В самом крайнем случае переночевать я мог на диванчике в дежурке, уснуть же на голодный желудок нечего было

и рассчитывать.

Именно в столовой меня и застали освободившиеся после дежурства сослуживцы. Захар, Иван и Вова-футболист подсади за стол, когда я уже выхлебал суп и приступил ко второму. Порции на их подносах оказались ничуть не скуднее усиленного пайка, а у сержанта так и побольше, и в кои-то веки никто не заглядывал мне в рот и не сверлил злобным взглядом спину.

Но вот на улице, когда Иван и Захар закурили, Вова спросил прямо в лоб:

– Петя, а ты когда проставляться собираешься?

Я проставляться не собирался вовсе, поэтому неуверенно предположил:

– В воскресенье?

– Ответ неверный! – отрезал сержант Козодой. – В коллектив надо вливаться сразу и без промедления. Короче, идём в клуб, с тебя круг пива. Заодно расскажем, что тут у нас и как.

Ну и пришлось пойти, а как иначе? Откажешься или начнёшь о заселении в общежитие мямлить – точно не поймут, а мне с людьми ещё служить и служить. Как ни крути, надо отношения завязывать.

Питейное заведение, куда меня привели, именовалось «Погребом». С улицы в него было не попасть, требовалось через арку пройти в просторный двор, где помимо крытой веранды и столов под открытым небом располагался ещё и небольшой помост для оркестра.

– У нас тут культурный досуг, с танцами, – пояснил Вова.

– Ты о чём-нибудь кроме баб и футбола думать способен? – усмехнулся Иван Черепица.

– А смысл?

– Женить тебя надо.

– Сам женись сначала, рыболов-любитель!

В доме напротив размещался клуб унтер-офицерского состава, но за уличными столами разделения по чинам не было, там компании подбирались преимущественно по месту службы. Хватало здесь и бойцов мотоциклетного взвода, я перездоровался со всеми, но имён толком не запомнил, разве что за исключением прапорщика, оказавшегося заместителем командира взвода по технической части. Очень уж заковыристо его звали, ещё утром внимание обратил: Данила Сигизмундович, ага.

К моему немалому облегчению, не пришлось поить пивом не только весь мотоциклетный взвод, но даже наше третье отделение – исключительно дежурную смену, из которой, помимо повстречавшейся мне в столовой троицы, на веранде обнаружилось ещё три бойца: ефрейтор и два рядовых. Собственно, к ним за стол мы и подсели. Да ещё от пива отказался Вова-футболист.

– Здоровый образ жизни! – с улыбкой развёл он руками, попросив принести газводы без сиропа и со льдом.

Не стал брать себе хмельной напиток и я, ограничился квасом, в связи с чем по возвращении к столу оказался под-

вергнут блиц-опросу.

– Не пьёшь? – спросил сержант Козодой.

– Нет, – совершенно искренне ответил я, поскольку после прошлого раза дал себе зарок от употребления алкоголя воздерживаться.

– Рыбалка? Охота? – продолжил расспросы Иван Черепица.

– Не любитель.

– В футбол не играешь, – припомнил Вова. – А болеешь? Я покачал головой.

– Вообще спортом не увлекаешься?

– Почему вообще? – Выглядеть белой вороной нисколько не хотелось, сказал первое, что в голову пришло: – Мотокроссом занимался.

Тогда к расспросам подключился ефрейтор с пшеничного цвета усами, имя которого позабыл сразу после знакомства.

– А какую мощность выдаёшь? – уточнил он.

Странный переход от хобби к сверхспособностям немало удивил, но сослуживцы ждали ответа, пришлось сказать:

– Двадцать восемь киловатт пока только.

– А на пятнадцати – восемнадцати сколько протянешь?

Я пожал плечами и без особой уверенности ответил:

– Минут сорок, наверное, а что?

Усатый ефрейтор с довольным видом осклабился.

– Бинго!

Захар Козодой развернулся на стуле и окликнул сидевше-

го за соседним столом зампотеха:

– Данила Сигизмундович! У нас новый боец без вредных привычек, футболом-охотой-рыбалкой не увлекается, семьи нет, занимался мотокроссом и пятнадцать лошадок минут сорок тянуть может!

Прапорщик внимательно посмотрел на меня и кивнул.

– Понял. Учту.

Мне как-то даже немного не по себе сделалось.

– Это что сейчас было? – потребовал я объяснений, глотнув кваса.

Сержант рассмеялся.

– Не бери в голову, Петя.

– Нет, серьёзно?

Захар Козодой пожал плечами.

– Ну смотри – у нас у всех с учётом суточных дежурств график плавающий, а с тобой так не выйдет, у тебя с понедельника по субботу обучение, воскресенье – выходной. И что тебе делать на Кордоне, если ты не рыбак, не охотник, не футболист, не пьёшь и семьёй не обременён? От скуки же скиснешь! Ведь скиснешь, так?

Я воздержался от однозначного ответа, лишь неопределённо хмыкнул, ожидая продолжения.

– Каждое воскресенье трёх человек от взвода командируют в Новинск, утром туда – вечером обратно. У кого на воскресенье выходной выпадает, тех не допросишься: это ж ни рыбалки, ни охоты и не выпить. А если кто по собственной

инициативе в город лыжи наострил, то и подавно командировочными не соблазнится. Туда ведь едут в кабаках гулянуть. Вот и приходится кого-то с дежурства снимать, и они потом весь день без дела болтаются. Понимаешь, к чему клоню?

Но нет, я ничего не понимал за исключением того, что просто так никто командировочные предлагать не станет. С другой стороны – своим ходом до Новинска добираться очень уж проблематично, а вот за счёт корпуса почему бы и не скататься в город? Льва провожаю, с Ниной на танцы схожу, за студентами присмотрю...

Плохо разве? Да ничуть!

– Что делать-то надо будет? – любопытствовал я.

– Экий ты, брат, шустрый! Не гони лошадей, у тебя пока ещё допуска нет. Вот согласует твою кандидатуру начальство, всё на инструктаже объяснят.

Я не удержался и усмехнулся.

– Неужто всё так секретно?

Вова-футболист махнул рукой.

– Да прям...

Сержант Козодой стукнул пальцем о край стола и шикнул на подчинённого:

– Ну-ка, цыц!

Кружки у бойцов опустели, за новой партией выпивки собрался Иван Черепица, но командир отделения на второй круг оставаться не пожелал и поднялся из-за стола.

– Да брось! Ещё по одной! – попытались удержать его сослуживцы, только без толку.

Сержант лишь покачал головой.

– Это вы охламоны холостые, а меня жена с дежурства ждёт. – Он посмотрел на бренчавшего нарастаявшими кусочками льда о стенки стакана Вову и предупредил: – Пете с заселением помощи и насчёт женского пола проинструктируй.

Сержант ушёл, а Вова ухватил меня за руку и потянул к помосту с оркестром, перед которым уже начали собираться парочки.

– Тут такое дело, – усмехнулся он, – на дамочек в возрасте даже не смотри. Они все замужние, закрутишь с такой – голову оторвут. Или начальству нажалуются, а уже оно оторвёт. Если незамужнюю барышню охмуришь, а она из ОНКОР – нестрашно, запретов нет. Но сам понимать должен: вам ещё служить и служить вместе, просто так в тень уйти не получится. Самое милое дело – это транзитные студенточки, которых сюда для стабилизации внутренней энергетики отправляют. Вот они – свободная добыча, кто успел, тот и съел. Но если залёт случится, последствия самыми паршивыми будут.

Я невольно усмехнулся.

– Да у меня уже есть девушка.

– Где она у тебя есть? В Новинске? Но ты-то здесь, а не там.

– Не там, – подтвердил я.

– А вот с кем аккуратней надо, так это с медперсоналом.

Среди медсестричек такие цыпочки встречаются – аж дыхание перехватывает, но не советую отношения заводить. С нашей работой загреметь в больницу ничего не стоит, а если там тебя кто-то сильно не любит, есть все шансы не вылететь, а ещё лишних болячек заработать.

– Почему сразу – не любит? Наоборот же!

– Наоборот – это пока не поругаетесь и не разбежитесь. – Вова-футболист завертел головой по сторонам и указал куда-то мне за спину. – Или взять хоть, к примеру, Вальку...

Я обернулся и увидел знакомую светловолосую медсестру, столь впечатлившую меня своей ладной фигуркой ещё в первую встречу.

– Красотка, а?

– Угу.

– Я и сам не прочь с ней закрутить, – ухмыльнулся мой сослуживец. – Только по ней один аспирант-медик сохнет. Ты эту кралю отобьёшь, а потом по его части какая хворь приключится, и лихо придётся. Отказать – не откажет, но как бы от такого лечения хуже не стало.

И точно – Андрей Игоревич обнаружился тут же, принёс два высоких бокала то ли с лимонадом, то ли с игристым вином, один протянул Вале, другой передал Ольге Мороз, которую я до того не заметил.

А Вова переключил своё внимание на Олю и мечтательно

вздыхнул.

– И новая медсестричка тоже хороша, спасу нет!

– Это Оля Мороз, – подсказал я. – Она в комендатуре через день да каждый день истерики закатывала, имей в виду.

Сослуживец глянул на меня с нескрываемым сомнением.

– Её от вас перевели? А не свистишь?

– Очень надо!

– Ну, кто предупреждён – тот вооружён, – усмехнулся Вова. – Ладно, пойдём заселяться. Эту ночь толком не спал, а завтра с утра тренировка. Надо подушку ухом придавить.

Я возражать и не подумал. Мы попрощались с сослуживцами и для начала зашли за моими вещами в расположение мотоциклетного взвода, а затем покинули территорию авточасти, пересекли дорогу и поднялись на крыльцо длинного двухэтажного общежития, в которое мне и предстояло заселиться. Никаких проблем с этим не возникло: и комендант оказался на месте, и ордер был заполнен верно от первой и до последней строки. Получил комплект постельного белья, пошёл устраиваться.

Жить предстояло в одной комнате с Вовой, и вещички я разбирать не стал, мешок кинул в шкаф, а чемоданчик задвинул под свободную кровать, предварительно достав из него щётку и банку зубного порошка.

Когда вернулся из уборной, сослуживец уже сопел в две дырочки, но стоило только подо мной заскрипеть сетке панцирной кровати, он перевернулся на бок и спросил:

– Погуляешь где-нибудь, если вдруг девушку привести понадобится? С комендантом у меня всё схвачено.

– Само собой, – не стал отказывать я в пустяковой просьбе и усмехнулся: – Если только не на всю ночь.

– Если на всю ночь, я палатку туристическую беру и на природу. Тут такие места – закачаешься. А какие звёзды! Романтика! Девчонки так и млеют. – Вова зевнул, пробормотал. – За мной тоже не заржавеет... – И заснул в один миг, только голову на подушку опустил.

А вот я так не смог. Ворочался, привыкая к новому месту, думал о всяком, преимущественно невесёлом. Вроде радоваться надо, что так гладко допрос прошёл, но внутри, будто заноза, дурное предчувствие засело. Напряжение и не думало отпускать, наитие подсказывало, что ничего ещё не кончилось.

На угрызения совести – плевать, свыкся уже с мыслью об убийстве и, случись повторить, повторил бы без сомнений и неуместных колебаний. Нет, изматывало ожидание возмездия. И не изматывало даже, а просто-напросто пугало. Не уснул в итоге даже, а в бездонную чёрную яму рухнул, словно в голове свет выключили.

Утро началось с побудки и построения. Командиры отделений проверили личный состав и прямо на месте раскидали срочные заявки от других подразделений, а распределение текущей рутины отложили до общего сбора в расположении.

После бойцы отправились умыться и собираться в столовую, я – вместе со всеми. Только, прежде чем двинуть в столовую при госпитале, благоразумно разгрузил вещевой мешок и прихватил с собой спортивную форму с кедами и рабочий комбинезон. Как в воду глядел – из-за наплыва посетителей завтрак затянулся, и вернуться в общежитие за трико и майкой не оставалось бы времени. Сразу поспешил на спортивную площадку.

На этот раз пришёл даже раньше десантников, но послаблений такое рвение не принесло; Николай Тарасович принялся гонять меня наравне с остальными бойцами, однозначно куда более подготовленными в физическом плане. Работу с неподъёмными гирями и штангами прапорщик чередовал с подтягиваниями, отжиманиями и динамичными махами лёгкими гантелями, расслабиться и малость перевести дух получилось лишь в самом конце тренировки, когда я уже чуть не спёкся из-за слишком высоких нагрузок.

Но и передышка вышла так себе – пришлось держать на весу штангу в центнер весом, только не мышечными усилиями, а исключительно с помощью сверхспособностей. Мотало неподъёмный спортивный снаряд не хуже давешнего мешка с опилками, но кое-как справился, поскольку контролировать импульс при хвате двумя руками было заметно проще.

На занятие к Трофиму Фёдоровичу я в итоге пришёл если и не чуть живым, то определённо не в лучшей своей форме. Ну а там с места в карьер – пришлось без всякой пред-

варительной подготовки генерировать пиковую мощность на силовой установке. Выдал свои обычные уже двадцать восемь киловатт и немало удивился, когда сразу после этого инструктор велел переходить к тренажёру для управления кинетической энергией.

– А на выносливость? – напомнил я.

– Успеется, – отмахнулся Трофим Фёдорович. – Давай! Сделай хотя бы три на три!

Но какой там! Пробовал так и эдак, но меньше шестнадцати кнопок одномоментно вдавить не смог. С продолжительностью генерации импульса дела обстояли чуть лучше: держал его самое большее секунд пять, прежде чем штыри начинали гулять и обрывался входящий поток.

– Вот ты тяжёлый! – посетовал инструктор, глянул на меня и покачал головой. – Да не кривись ты! Котелок варит, просто обычные методики обучения не подходят, придётся по старинке.

– Это как? – насторожился я, надеясь, что речь не идёт о розгах.

– А как, по-твоему, до внедрения гипнокода студенты обучались? – усмехнулся Трофим Фёдорович, отпер шкаф и озадаченно поскрёб плешивый затылок, разглядывая потрёпанные корешки книжиц самое большее в сантиметр-полтора толщиной. Пробежался по ним пальцами, чихнул из-за попавшей в нос пыли и распорядился: – Сам ищи!

Я тут же оказался рядом и с энтузиазмом поинтересовал-

ся:

– А что искать?

– Пособия по управлению кинетической и тепловой энергией, а ещё гравитацией. Это зачётный минимум на вашем курсе.

Названия на корешках пропечатаны не были, пришлось вытягивать брошюры из шкафа пачками, проглядывать титульные листы и составлять обратно. Преимущественно попадались пособия на малопонятные неопиту в моём лице темы, ничего полезного не отыскалось ни на первой полке, ни на второй. Ну а потом удача повернулась ко мне лицом и нужные книжицы пошли одна за другой.

«Основы оперирования тепловым излучением», «Трансформация сверхсилы в кинетическую энергию» и «Базовые принципы создания гравитационных возмущений» стояли вперемешку с древними сборниками каких-то коэффициентов пересчёта, отклонений и задержек, а ещё там обнаружили потрёпанные брошюры с дореформенными письменами на обложках, гласившими «Искровой разрядъ: генерація и направленіе въ цѣль силой мысли» и «Шаровыя молніи: отъ Аза до Ижицы».

Я немного поколебался и не утерпел, прихватил оба эти пособия и оказался в своём стремлении к запретным пока ещё знаниям чрезвычайно предсказуем.

– Ну-ка, дай гляну, чего ты там набрал! – прищёлкнув пальцами, потребовал инструктор, проглядел книжицы и

вернул все за исключением той, где речь шла о сотворении шаровых молний. Затем усмехнулся и пояснил: – Шаровые молнии – это не хрен собачий, а какая-никакая энергетическая конструкция. Не дорос ты ещё до такого. На разрядах практикуйся. Только на полигоне упражняйся. Знаешь, где полигон?

– Найду, – пообещал я, с облегчением принимая пособия обратно.

– Найдёт он! – проворчал Трофим Фёдорович, вытянул за цепочку из кармана комбинезона часы и, откинув крышку, глянул на циферблат. – Всё, беги в гараж. Тренировку выносливости тебе Карский обеспечит.

– Карский?! – округлил я глаза. – А это кто?

– Данила Сигизмундович, заместитель взводного. Нешто не знаешь такого?

– А, его знаю!

Я убрал брошюры в вещевой мешок, попрощался с инструктором и поспешил в распоряжение, гадая, чем именно решил озадачить меня зампотех и не проще ли будет ответить решительным отказом. Выбраться в Новинск – это, конечно, хорошо, но тратить свой единственный выходной на выполнение служебных поручений нисколько не улыбалось. Ну его к лешему, пожалуй...

Возможности увильнуть мне попросту не предоставили, но, если уж на то пошло, и мысли протестовать не возник-

ло. Так вот удачно совпало.

Когда доложил о прибытии зампотеху, тот сразу взмахом руки велел следовать за собой. Я приставать с расспросами к прапорщику не решился, а в пристроенном к зданию гараже и вовсе буквально дар речи потерял. Там стояли мотоциклы. Но не наши рабочие лошадки с люльками, а спортивные агрегаты, предназначенные для кроссов и езды по бездорожью, с немалым ходом передней вилки, высоким просветом и агрессивным протектором шин. И самое главное – у них не имелось глушителей, да и спрятанные в обтекающие кожухи движки внешне мало походили на двигатели внутреннего сгорания. При этом что-то похожее на бензобак всё же присутствовало. Все номера на закреплённых поверх и вдоль передних крыльев табличках начинались с трёх букв: «ЭКС».

– Ух ты! – присвистнул я, даже не пытаясь скрыть восхищения.

– Экспериментальная модель! – с гордостью заявил Данила Сигизмундович. – Последняя разработка! Нам на обкатку и тестирование в полевых условиях передали. В рабочее время нагрузкой агрегаты обеспечить желающих хватает, твоей задачей будет отгонять один из них по воскресеньям в Новинск. Утром – туда, вечером – обратно.

До этого момента я был слишком увлечён изучением мотоциклов, а тут встрепенулся, но заместитель взводного мне и слова вымолвить не дал.

– Три рубля командировочных и полный день в Новинске – плохо разве? – напористо продолжил он. – Чего тебе тут от скуки киснуть? А так в кино и кафе за казённый счёт сходишь, развеешься.

Я долго не колебался и развёл руками.

– Да я не против.

– А вот этого мало! – заявил в ответ прапорщик. – До Новинска сорок километров, а у этих красавцев двадцать пять лошадей в каждом. Сдюжишь?

– Должен.

Данила Сигизмундович скептически поглядел на меня и покачал головой, затем махнул рукой.

– Пошли!

В раздевалке я убрал вещевой мешок в шкафчик, а брюки и ботинки поменял на кожаные штаны и сапоги. Но только взял плащ, и заместитель взводного меня остановил.

– Погодь!

Он куда-то отлучился, а вернулся с короткой кожаной курткой, но не простенькой, какими экипировались пулемётчики и снайперы мотоциклетных экипажей, а с эластичными манжетами и косыми боковыми карманами, ещё и на молнии! Ну и сам материал показался куда более качественным на вид и приятным на ощупь.

Данила Сигизмундович оказался безмерно доволен произведённым на меня эффектом и с улыбкой сказал:

– Лётная. И не наша – заокеанская! И подотчётная. Возь-

мёшься мотоциклы перегонять, на тебя запишу. Размер подходит или поменьше подобрать?

Я примерил куртку, застегнул, покрутил корпусом, потянулся.

– Всё хорошо.

– Ну и отлично. А теперь покажи, на что годишься.

К моему немалому удивлению, прапорщик и сам надел кожаную куртку, а на голову водрузил шлем, только не танковый, а куда легче – как видно, тоже лётный. Защитные очки и кожаные перчатки, опять же, показались поинтересней мотоциклетных; мне пришлось довольствоваться собственными.

В гараже, куда мы вернулись, зампотех постучал по месту бензобака и сказал:

– Тут стоит аккумулятор, но на него особо не рассчитывай: ёмкости хватит самое большее секунд на двадцать. Просто подхватит на себя питание, если вдруг отвлечёшься.

Данила Сигизмундович толкнул мотоцикл вперёд, и подножка сложилась, притянутая пружиной, я повторил манёвр прапорщика и обнаружил, что ни ключа, ни кнопки запуска тут не предусмотрено. Буквально – сел и поехал. Сцепление, переключение передач, тормоза – это без неожиданностей.

С тихим гулом мотоцикл прапорщика тронулся с места и поехал на выезд с территории авточасти, я потянулся к сверхсиле и – удивительное дело! – без всякого труда заставил заработать электродвигатель на пониженных оборотах,

неспешно покатыл следом. Ничего сложного в этом не было, действовал тот же принцип, что и при работе с силовыми установками в училище.

За воротами зампотех повернул налево, но ускоряться не стал, а в соседнем квартале и вовсе сбросил скорость до минимума и гаркнул на игравшую посреди улицы в футбол де-твору:

– С дороги, куриные ноги!

Юные футболисты бросились врассыпную, и мы покатали дальше. Минут через пять дома остались позади и впереди раскинулась степь, но прапорщик не погнался по бездорожью, а вывернул на накатанную грунтовку, которая вскоре привела нас к мототреку, проложенному прямо посреди поля. Там зампотех пригнулся к рулю и ушёл в отрыв, пришлось повторять его манёвр, но уже в самом начале второго круга Данила Сигизмундович остановился, поднял с лица очки и закурил.

– Катись! – распорядился он, пыхнув дымом. – Погляжу, как ты сорок километров намотаешь.

Сорок километров – это немало, а отведённое на занятие по развитию сверхспособностей время уже подходило к концу, и я медлить не стал, рванул с места так, что только пыль из-под заднего колеса полетела.

А-ха! Это не тихход с люлькой, это ласточка или даже гепард!

Под сотню километров в час – легко!

В лицо веяло разогретым воздухом и ароматом степных

трав, а что пыль на зубах скрипит – пустяки. Тут главное не отвлечься и концентрацию не потерять.

Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Перед поворотом толком сбросить скорость я не успел, тормозить же не рискнул, пришлось, как когда-то учили, сильно завалиться и даже выставлять ногу, но вписался всё же, не вылетел с трека. Дальше уже так не гнал, но скорость держал более чем приличную. Трек ровный, на редких кочках смягчают толчки амортизаторы – красота!

Круг, другой, третий!..

Ну а потом меня укачало. Натурально укачало, только не из-за размеренности движения, но по причине слишком долгого приложения равномерных усилий. Я пропускал через себя сверхэнергию, пережигал её в электричество, выдавал, выдавал и выдавал одну и ту же мощность. Это и подвело.

Закружилась голова, к горлу подкатил комок тошноты, мотоцикл вильнул раз-другой, и тут я задействовал сверхспособности на пределе доступной мощности, рывком ускорился и сразу расслабился, заранее начав сбрасывать скорость перед заходом в очередной поворот. Так дальше и ехал – то рвал жилы, то отдыхал. Воодушевление понемногу ушло, одежда промокла от пота, начали дрожать руки, да и вообще мчать через взвесь не успевавшей толком оседать пыли оказалось не слишком-то приятно.

Когда на очередном круге зампотех помахал рукой, я не удержался и в широком развороте съехал на целину, а там

вволю попрыгал на кочках, прежде чем погнать вслед за прапорщиком в город. В гараже мы сдали мотоциклы техникам, и тогда Данила Сигизмундович сказал:

– Покатаешься до субботы, и видно будет.

Но лётную куртку он сдать не потребовал, поэтому лично я счёл свою грядущую командировку в Новинск делом решённым. И меня это откровенно порадовало. Промчаться с ветерком до города, ещё и трёшку сшибить – плохо разве? Да ничуть!

Время поджимало, и душ я принимать не стал, только умылся, переоделся и быстрой трусцой побежал к стадиону. На глаза попался крутивший педали курьер, и сама собой возникла мысль о приобретении велосипеда, но куда там! Даже при моём нынешнем доходе накопить двести пятьдесят – триста рублей получится разве что к зиме. И то не факт, деньги как вода сквозь пальцы расходятся. Нину в кафе сводить – уже приличные траты...

Нину, Нину. Нину...

А ведь мне хотелось увидеть её, действительно хотелось!

Выкинул эти мысли из головы, ускорился и прибежал за пару минут до начала занятий. Переоделся, убрал форму в вещевой мешок и принялся тянуть мышцы, нывшие после утренней тренировки, но особо Николай Тарасович десантников на сей раз нагружать не стал, мы немного позанимались на гимнастических снарядах, затем в хорошем темпе прошли полосу препятствий, и только после этого я понял,

в чём заключается подвох.

На сегодня у десантников были запланированы прыжки с парашютом, десятикилометровый марш-бросок и стрельбы. У десантников, а значит, и у меня!

– Николай Тарасович! – взмолился я. – Ну мне-то зачем прыгать? Я мотоциклист!

– Отставить, рядовой! – оборвал меня прапорщик, грозно нахмутив кустистые брови. – Делать будешь, что скажут! И чего ты ноешь? У тебя пять прыжков в активе, ещё три и получишь знак «Отличник-парашютист». А это не только почётно, но и обеспечит пять рублей в месяц сверх денежного довольствия!

Пять рублей – это хорошо, но десантироваться мне несколько не хотелось. Нет, высоты не боялся, просто в свой последний – крайний! конечно же, крайний! – прыжок неожиданно усилившийся ветер снёс к лесу, и я едва не влетел в деревья, лишь каким-то чудом сумев приземлиться на самой опушке. Страху натерпелся столько, что разом всякое желание прыгать с парашютом отпало, пусть даже за всё и платила наша ячейка февральского союза молодёжи. Тогда упёрся намертво, так больше и не позволив Аркаше затащить себя в самолёт, вот он и стал единственным обладателем значка «Отличник-парашютист».

Но тогда – это не сейчас, сейчас моим мнением никто интересоваться не стал. Группу погрузили в два грузовика и повезли на аэродром. Там выдали оружие и боекомплект, и

я нисколько не удивился даже, став обладателем РПД, поскольку ещё вчера сообразил, что из второго номера пулемётного расчёта меня собираются перевести в наводчики. Кадровый голод, чтоб его...

Собирать купол не пришлось, это заранее сделал инструктор, а вот с правильным размещением снаряжения повозился я с непривычки изрядно. Самостоятельно бы точно напортачил, но подсказали, помогли. Сумку с пулемётным диском требовалось повесить на шею таким образом, что она опустилась чуть ниже поясного ремня, сверху её прикрывал запасной парашют. РПД разместил на левом плече прикладом вверх, его ремень проходил под плечевым обхватом подвесной системы, а ствол для надёжности притянули тренчиком к главной лямке всё той же подвесной системы. За спиной – ранец.

Ну а затем была погрузка в двухдвигательный биплан, короткая тряска, отрыв от земли. Посмотрев в иллюминатор, я невольно сглотнул, что не укрылось от назначенного мне второго номера.

– Первый прыжок? – спросил веснушчатый парень.

– Шестой, – сказал я, взяв себя в руки, и заработал взгляд, полный искреннего уважения. Пожалуй что, и незаслуженного.

Но собрался и, когда биплан набрал нужную высоту, двинулся вслед за десантниками к распахнувшемуся боковому люку без сомнений и колебаний. Ну – почти. В самом конце,

наверное, я слегка замешкался и в свободное падение отправился посредством осязаемого тычка в спину.

Выбрасывали нас с полукилометра без принудительного раскрытия парашюта, и на миг накатила паника, но тут же опомнился, выровнялся и рванул шнур. Почти сразу осязательно дёрнуло, а падение замедлилось. Запрокинул голову, надо мной – стропы и белый круг раскрывшегося купола. Порядок.

Тогда посмотрел вниз и успокоился окончательно. Выбросили нас посреди степи, сколько хватало взгляда – кругом ни единого деревца. Но расслабляться не стоило: из-за пулемёта меня перекосило и начало понемногу сносить в сторону. Хотя, допускаю, так мог сказываться лёгкий боковой ветер. Натянув одну из строп, я всё снижение пытался совладать с горизонтальным смещением, а там и до приземления дошло. Поросшая травой степь побежала, всё ускоряясь и ускоряясь, и я слегка подогнул ноги, не без труда поборов желание задействовать сверхспособности для управления кинетической энергией – просто побоялся, что начнёт крутить и запутаюсь в стропках.

Справился и так, даже не упал, только немного пробежался, прежде чем сумел совладать с парашютом и заставил его опасть на землю. Дальше сгрёб купол и заковылял с ним к месту общего сбора, а оттуда в компании десантников побежал по направлению к городу.

И вот что могу сказать – тащить за спиной ранец с тремя

дисками было куда сподручней, нежели нести сам пулемёт. Эти десять километров чуть ли не полусотней показались. Ещё и солнцепёк!

Но добежал как-то, отстрелялся. С учебных бросков гранат отпросился, да ещё очень удачно доехал до авточасти на попутном грузовике, но и так в столовую заскочить не успел, что расстроило до крайности; очень уж хотелось есть. Увы, подошло время выезда, и ничего с этим поделать было нельзя. Напился воды из-под крана, наполнил фляжку и отправился к мотоциклу, не забыв перед тем получить путевой лист у начальника дежурной смены. Единственное – уже забрав Фому и Тимура, притормозил на одном из перекрёстков и купил у лотошника беляшей и пирожков с картошкой и морковью. Это хоть как-то примирило с пропуском обеда.

Пулемётчик последовал моему примеру, а когда Тимур насмешливо фыркнул, наставил на него указательный палец.

– А вот не надо этого! У нас жён нет, никто бутербродов на дежурство не сделает!

– Так женись!

– Ну уж точно не бутербродов ради!

Прямо на улице мы перекус устраивать не стали и выехали из города, расположились там на обочине.

– Сегодня у нас свободное патрулирование участка трассы от Кордона и до Новинска, – сообщил мне Фома. – Заодно по второстепенным дорогам проедемся, но жёсткой привязки по времени нет, сами себе хозяева.

– Просто туда-обратно ездить? – уточнил я, наскоро проглядывая путевой лист, ознакомиться с содержимым которого прежде не было времени.

– Просто даже мухи не рождаются, – усмехнулся Тимур. – Это за Кордон штатским ходу нет, а тут кто только ни шастает. У студентов документы проверить – настоящая морока. Они же все с гонором, права свои знают!

Пулемётчик кивнул.

– Я проверяю, ты с Тимуром меня страхуешь. От мотоцикла не отходи. И вот что: если кто из нас о пыли обмолвится – значит, дело нечисто. Тогда будь начеку. И сам имей в виду.

– Ясно, – кивнул я. – Буду. – И тут же уточнил: – Слушайте, а почему у нас такая зона ответственности ограниченная? Мы, по сути, только западное направление прикрываем, а остальные как же?

– А что остальные? – усмехнулся Тимур. – С юга и востока – степь, она с воздуха прекрасно просматривается.

– Контрольно-следовая полоса ещё и заставы, – поддакнул Фома. – И там для всех, кроме нас, территория закрытая, аналитики энергетический фон контролируют и нарушителей на дальних подступах выявляют. Вот с зелёным клином – сложнее. Егеря оттуда не вылазят.

– Из тайги, что ли?

– Именно. С двадцатого по тридцатый румб она до десятого витка Эпицентра доходит.

Заморив червяка, мы выехали на дорогу и покатали к Новинску. Перед тем снайпер какое-то время кривился и морщился, но всё же мысленно дотянулся до городской комендатуры и установил ментальную связь с диспетчером, поэтому автомашины – и встречные и попутные, какие получалось догнать и обогнать, – мы не тормозили. Просто осуществляли, как выразился Фома, визуальный осмотр и сверку регистрационных номеров с имеющимися заявками на проезд по закрытой территории. К моему немалому удивлению, помимо институтских автомобилей и служебного транспорта корпуса попадались на дороге и грузовики частных компаний, а ближе к городу начали встречаться телеги и подводы. И вот их уже приходилось досматривать со всем тщанием.

Проходила проверка неизменно по одной и той же схеме. Нагоня очередной образчик гужевого транспорта, Фома Коромысло принимался свистеть в здоровенный медный свисток и размахивать красным флажком, а я, как и было велено, вплотную не подъезжал и останавливался метрах в десяти – пятнадцати. Дальше младший сержант шёл проверять документы и осматривать груз, а Тимур прикрывал его, мне же в отличие от снайпера взять оружие наизготовку не позволяли.

– Твоё дело – рулить, – заявил стрелок, – вот и рули. А из своей трещотки ты ещё и Фому положишь за компанию.

Я подумал-подумал и решил против заведённых порядков не протестовать, хоть на инструктаже говорили иначе. Опять

же – всё это было рутиной. Обоз за обозом, подвода за подводой.

– И откуда их столько? – не сдержавшись, поинтересовался я.

– Ну а что ты хотел? – усмехнулся младший сержант. – Новинск на самообеспечение уже лет пять как переводить взялись. Хутора и деревни в основном за восьмидесятым километром, но и тут частных хозяйств хватает.

– Шастают туда-сюда, поездки не согласовывают, а ты проверяй, – с досадой ругнулся Тимур и впился зубами в яблоко, позаимствованное Фомой из последней телеги.

Меня угощением пулемётчик тоже не обделил, но вовсе не это обстоятельство побудило сделать внеурочную остановку на обочине. Просто я решил немного размяться, раз уж всё равно не было жёсткого графика движения. После марш-броска ноги ныли и подгибались, меж лопаток и вовсе ломило так, словно тащил не ручной пулемёт, а как минимум гаубицу. Нагнулся, выпрямился, постоял в ожидании, когда отступит неожиданное головокружение.

– Оп-па! Интересно девки пляшут! – озадаченно протянул Тимур, когда из-за небольшой рощицы на дорогу выехал грузовик. – Диспетчер не в курсе, кто это может быть.

– Стоим, ждём, – распорядился младший сержант и как бы невзначай расстегнул кобуру с пистолетом.

По спине пробежались колючие мурашки, и я совсем уж было собрался повторить приготовления пулемётчика, но

опомнился и размеренно задышал, втянул в себя сверхсилу, начал набирать внутренний потенциал.

Оператор я или кто? Стрелять любой дурак может, да и не позволят опять оружие наизготовку взять, за руль посадят.

И точно – когда неспешно катившая в нашу сторону полупортка приблизилась, Фома коротко приказал:

– Заводи мотоцикл.

Я так и поступил, но пускаться в погоню не пришлось: водитель грузовика без промедления отреагировал на команду остановиться и прижался к обочине, отъехав от нас не больше двадцати метров. В кузове полупортки сидели голые по пояс загорелые мужички; Фома оставил кобуру в покое и спокойно потопал к автомобилю, Тимур взял винтовку и опустил её так, чтобы оружие оказалось скрыто за люлькой мотоцикла, ну и я с пустыми руками сидел, безмятежность изображая.

А разговор, между тем, сразу пошёл на повышенных тонах. Дядькам нисколько не хотелось выбираться из кузова и демонстрировать документы, водителю даже пришлось на них прикрикнуть. Тогда они загалдели, обступили Фому и принялись что-то выговаривать и размахивать руками. Во рту у меня моментально пересохло, словно и не съел сочное яблоко не далее минуты назад.

Я кинул быстрый взгляд на пистолет-пулемёт в креплении, и Тимур негромко попросил:

– Не суетись раньше времени.

Ну да, ну да... Сначала слишком рано, потом – хоп! – и опоздал. Время предельно скоротечно, весьма непросто хоть что-то успеть сделать вовремя, именно в тот самый миг, когда это необходимо.

И тут водитель грузовика снова завёл двигатель, а дядьки начали забираться обратно в кузов. Последний из них, когда полуторка уже тронулась с места, презрительно сплюнул, и Фома запустил в него огрызком яблока. Попал в лоб и сильно – даже до нас сочный отзвук донёсся, а мужичок аж покачнулся и приложил ладонь к голове. Его товарищи весело заржали.

Младший сержант вернулся и сообщил:

– Вахтовики в Новинск повезли.

– Частники? – удивился Тимур.

Фома только фыркнул.

– Стали б частники так борзеть! Институтские. Какая-то там у них накладка случилась, не смогли по техническим причинам время выезда диспетчеру сообщить.

Пулемётчик забрался в люльку, снайпер уселся сзади, и мотоцикл неспешно покатыл по дороге. И снова – телеги, подводы, обозы, отдельные грузовики и автоколонны, гражданский транспорт и броневики. Дождей давно не было, из-под колёс встречных машин летела пыль, приходилось то и дело протирать стёкла очков.

Мы как раз въехали в длинный пылевой шлейф, протянувшийся за промчавшимся навстречу грузовиком, когда

проводивший его взглядом Тимур вдруг рывкнул:

– Разворот!

Стоило лишь выполнить распоряжение, Фома принялся свистеть и размахивать красным флажком, водитель моментально сбросил скорость, выехал на обочину, остановился. Дело оказалось в зацепившемся сзади за машину мальчишке лет одиннадцати – двенадцати на вид, которого каким-то чудом углядел в пыли глазастый Тимур.

– Заяц у тебя был! Езжай! – крикнул озадаченному шофёру младший сержант, легко нагнав попытавшегося удрать мальчика.

Он ухватил его за ухо и повёл к мотоциклу, а Тимур связался с диспетчером и попросил направить на семидесятый километр ближайший патрульный автомобиль. Парнишка заканючил, но получил подзатыльник и мигом умолк.

После Фома вручил ему два оставшихся яблока и уточнил:

– Ну и куда ты, шкет, намылился?

– К Эпицентру, – шмыгнув носом, сообщил малолетний беспризорник. – На инициацию!

– Вот же бестолочь! – вздохнул Тимур и сунул мальчишке бутерброд с колбасой, потом протянул фляжку с водой. – Ешь давай!

Пацан отказываться от угощения не стал и мигом смолотил и яблоки, и бутерброд, а там и патрульный вездеход подъехал. Мы передали нелегала коллегам и сообщили реги-

страционный номер грузовика, с которого его сняли, затем вновь отправились в путь. До окрестностей Новинска добрались без приключений, я узнал знакомые места и со вздохом спросил:

– Так понимаю, водохранилище – не наша зона ответственности?

– Нет, – ожидаемо разочаровал меня Фома и прищёлкнул пальцами. – Но мысль здравая. Давай на следующем съезде направо.

– По северной дороге вернёмся? – догадался Тимур. – Это дело!

Что это ещё за дорога такая, я спрашивать не стал, выполнил поворот и покатил по грунтовке, тянувшейся вдоль опушки соснового леса. Сначала та шла параллельно основной трассе, затем начала забирать севернее и почти сразу сузилась, а колёса принялись подпрыгивать на мощных сосновых корневищах. Просвет над головой пропал, кроны высоченных деревьев сомкнулись; кое-где даже приходилось пригибаться, уклоняясь от низких веток.

Скорость в силу этих причин я сбросил до предела и начал гадать, на кой чёрт нас сюда вообще понесло, когда открылась небольшая полянка, на которой кружком стоял десяток молодых людей. На нас они не обратили никакого внимания, лишь один, выглядевший старше остальных, поспешил навстречу и приложил палец к губам.

– Глуши мотор, – приказал Фома, обошёл мотоцикл и

только начал представляться, как его немедленно оборвали.

– Да всё понятно! – досадливо отмахнулся молодой человек, не повышая голоса. – Вот документы.

Он протянул удостоверение и вдобавок к нему какой-то листок. Фома внимательно их изучил, потом цепко глянул на вставших кругом парней и девушек и передал листок Тимуру.

– Пробей.

Того распоряжение в тупик не поставило, он изучил содержимое бумаги и зажмурился, а примерно через минуту объявил:

– Порядок!

Фома вернул удостоверение и листок молодому человеку, козырнул на прощанье и забрался в люльку. А когда мы покатили дальше, пояснил:

– Эта территория открыта для посещения, но любые выезды за пределы Новинска с учебными целями должны согласовываться с корпусом.

– И вовсе нет, – поправил младшего сержанта снайпер. – До семьдесят пятого километра действует уведомительный порядок.

– Неважно! – отмахнулся Фома. – Главное, эти гаврики имели полное право тут медитировать.

Я сообразил, что мы наткнулись на студентов РИИФС, и досадливо поморщился. Впрочем, на меня никто особо не пялился, да и танковый шлем с мотоциклетными очками ме-

нял внешность просто кардинально. Попробуй – узнай!

Минут пятнадцать мы ехали по лесу, не встретив ни одной живой души, затем нагнали велосипедистов – двух девушек и трёх молодых людей. Судя по объёмным рюкзакам, к вылазке на природу те подготовились со всем тщанием, и это вызвало вполне понятные подозрения с нашей стороны, но нет – компания оказалась старшекурсниками из туристической секции, решившими перед возобновлением учебного процесса немного отдохнуть от городской суеты.

Дальше мне велели сворачивать на просеку и ехать по ней вглубь леса. Там наведались на пасеку и делянку с целебными травами, переговорили с местными обитателями и угостились мёдом, а ещё минут через десять выкатили к неглубокому ручью с прозрачайшей и очень холодной водой. Проскакивать его сходу не стали, остановились умыться.

– Тут в стороне горячие источники есть, – сказал Фома. – Вот туда зимой на дежурстве милое дело заглянуть! А сейчас если только на одно из озёр завернуть, но время поджигает.

И всё же к лесному озеру нам заглянуть пришлось. Миновав ручей вброд, мы доехали до следующей просеки, уходящей обратно к дороге, и там Тимур заметил две полосы примятой травы, словно в лес заехал автомобиль.

– Не грузовик – легковушка, – определил снайпер то ли по ширине покрышек, то ли по расстоянию между следами. – И недавно проехали, самое раннее – утром.

– Надо проверить, кого к Чёрному омуту понесло, – решил командир нашей мотокоманды. – Поворачивай!

И я повернул.

Чёрный омут и в самом деле оказался чёрным. Так, по крайней мере, показалось со стороны, когда выехали к окружённому соснами озерцу идеально круглой формы. Со стороны вода смотрелась тёмным непрозрачным зеркалом, на ней неподвижно замер отогнанный от берега плот с двумя симпатичными девицами в купальниках.

Я засмотрелся на них и даже не сразу заметил стоявший под деревьями синий автомобиль-малолитражку и двух молодых людей в купальных плавках, кутивших рядом с ним. Были те не слишком-то спортивными и подтянутыми, но – на машине.

Накатил мимолётный приступ зависти – тоже ведь хотелось бы прикатить к Нине на автомобиле! – но справиться с этим дурацким наваждением удалось без всякого труда. Глупо завидовать тем, кто находится в социальной иерархии лишь на ступень или две выше тебя, а не сразу – миллионерам, банкирам и владельцам транснациональных корпораций.

Впрочем, завидовать вообще глупо. Если только операторам-перворазрядникам...

Я подавил тяжёлый вздох и, хоть опасаться тут было решительно нечего, развернул мотоцикл так, чтобы иметь возможность быстро вернуться под прикрытие деревьев. Фома

зашагал к молодым людям и представился, те закатили глаза.

– Тут не нужны никакие пропуска! – заявил один из них, рыжий и упитанный.

– Не нужны, – подтвердил младший сержант. – Это простая проверка документов.

Девицы уселись на плоту и опустили в воду ноги, фигуры у них оказались очень даже ничего. Но пялиться на них я не стал, лишь контролировал краем глаза, основное внимание уделив юношам. Те не преминули поворчать, но в итоге всё же предъявили студенческие билеты – свои и подружек.

Фома требовать от купальщиц выйти на берег не стал, вернул документы и направился к нам.

– Богатенькие мальчики, – заметил Тимур, когда пулемётчик забрался в коляску.

– «Общество изучения сверхэнергии», – пояснил младший сержант и дал отмашку. – Поехали!

Я припомнил, что в официальном наименовании этого общества присутствует упоминание патронажа великого князя Михаила, возникло желание вернуться и прицепиться к какой-нибудь мелочи, но подумал и забыл.

Плевать!

Других забот хватало. Толстенные сосновые корни под колёсами, изматывающая духота, усталость. Всё, чего сейчас хотелось, – это вернуться в расположение, принять душ и завалиться на диванчик в дежурке. О вечерней тренировке думал с ужасом, даже особого аппетита против обыкновения

не было. Есть хотелось, конечно, но куда меньше, чем того стоило ожидать после пропущенного обеда. Всё же заморил червячка беляшами.

На просеке я увеличивать скорость не рисковал, добавил газа уже на северной дороге. Её состояние тоже оставляло желать лучшего, но там получалось держаться подальше от обочин и тем самым сводить к минимуму риск слететь с мотоцикла после столкновения с веткой или тем паче – оказаться нанизанным на острый сук.

– За холмом развилка будет, бери правее – на трассу вернёмся, – подсказал Фома, когда я минут через тридцать начал подъём на пригорок.

Дорога пошла вверх как-то очень уж круто да ещё принялась лавировать меж вросших в склон гранитных валунов, и на вершину мотоцикл буквально выполз. Там пулемётчик приложил к глазам окуляры бинокля и усмехнулся:

– Хорошо чешут!

С этой стороны холма в лес вгрызлась длинная и широкая проплешина старого пожарища. Ближе к нам она заросла деревцами в человеческий рост, а поодаль переходила в ровное поле, в силу чего дорога просматривалась километра на два, вот и разглядели троицу велосипедистов, кативших в хорошем темпе на запад.

– Это куда они намылились? – удивился Тимур. – Мы семьдесят пятый километр давно проехали, тут только с пропусками!

– Сейчас проверим, – хмыкнул Фома и скомандовал: – Погнали!

Этот спуск был куда более пологим и ровным, поначалу даже газ не пришлось прибавлять – покатали под горку с ветерком. Ну и нагнали велосипедистов в два счёта, несмотря на выгаданную теми фору; в таких условиях даже профессиональному велогонщику оторваться не по силам, а эта троица на спортсменов нисколько не походила. Нет, крепкие и жилистые – этого не отнять, только одеты для загородной вылазки не слишком подходяще: недешёвые лакированные туфли, свободного кроя брюки, рубахи. Свёрнутые пиджаки были закреплены на задних багажниках, на головах – серые матерчатые кепки.

Поначалу троица не обратила на нагонявший их мотоцикл никакого внимания, нехотя сбавлять темп они начали лишь после пронзительного свистка. Два паренька вполне могли оказаться студентами, но вот последний из велосипедистов – дядька лет тридцати с жёстким щучьим лицом внешним видом преподавателя напоминал мало. У меня даже возникло впечатление, будто уже видел его где-то раньше, но где именно и при каких обстоятельствах – вспомнить не смог.

«Возможно, в училище», – мелькнула мысль, когда дядька предъявил Фоме удостоверение лектора среднего специального энергетического училища, а парни продемонстрировали карточки слушателей этого же учебного заведения. Я стянул с лица мотоциклетные очки и снял шлем, подставил го-

лову дуновению очень уж тёплого, но всё же свежего ветерка.

– Далеко собрались? – поинтересовался младший сержант, не спеша возвращать документы.

– Не ваше дело! – резко бросил в ответ лектор. – Мы не обязаны отчитываться!

Фома Коромысло доброжелательно улыбнулся и покачал головой.

– Обязаны, уважаемый, – уверил он собеседника. – С семьдесят пятого по пятидесятый километр требуется предварительное согласование маршрута вне зависимости от цели посещения. Вы подавали заявку?

Лектор криво ухмыльнулся, присел рядом с уложенным в траву велосипедом и выудил из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист.

– Сами смотрите, – протянул он его Фоме.

Тот развернул бумагу и вновь улыбнулся.

– Ну вот, другое дело! – Пулемётчик прищёлкнул пальцами. – Петя, подойди!

– Что ещё? – нахмурился лектор.

Его подопечные, которые так и продолжали стоять с велосипедами, хором выдали:

– Нам ехать надо!

– Простая формальность, – уверил их Фома. – Сейчас поедете, надолго не задержим.

Но в отличие от случая с вахтовиками он к мотоциклу отходить не стал, продолжил стоять и беспечно улыбаться,

предпочтя подозревать меня, и это отступление от правил заставило отнестись к ситуации серьёзней. Если прежде уделял внимание одному только лектору, то теперь, пока шёл к пулемётчику, присмотрелся и к его подопечным.

Один был моим ровесником, второй на год или два постарше и совершенно точно куда более тёртый, очень уж уверенно он держался, а глядел презрительно-зло, будто на пустое место. Такого ждёшь от талантов с золотого румба, но никак не от учащегося заштатного заведения. Это разозлило.

– Передай Тимуру, – протянул мне лист согласования маршрута Фома, стоило только приблизиться к нему и остановиться рядом.

Лектор повернулся кинуть взгляд на оставшегося у мотоцикла снайпера, и тогда в голове само собой мелькнуло словосочетание: «вид в профиль». А следом посыпались и другие ассоциации: «анфас», «фотоснимки», «розыск», «опознание». Ещё всплыло в памяти, как изучали журналы с фотопортретами и снимками известных преступников, но я не был готов поручиться, будто видел среди них карточку с изображением лектора.

Поэтому молча забрал листок и двинулся к мотоциклу, но сразу передумал, решив поделиться своими сомнениями с младшим сержантом.

– И охота вам только по такой жаре куда-то ехать? – поинтересовался я, обернувшись. – Ладно, у нас работа, а вы что? Кажется, за сегодняшний день на всю жизнь пыли

наелся!

Лектор только плечами пожал, а Фома не преминул заметить:

– Кажется – крестится надо! В нашем деле уверенность нужна!

– Чего нет, того нет, – пожал я плечами, дошёл до мотоцикла и протянул листок Тимуру.

Снайпер быстро проглядел разрешение на передвижение по закрытой территории и кивком указал мне на велосипедистов, а сам приготовился вызвать диспетчера: глубоко вдохнул и зажмурился. Повинуясь жесту напарника, я развернулся, и в этот момент лектор вновь нагнулся к своему пиджаку.

– Не стоит, – предупредил его Фома, положив ладонь на предусмотрительно расстёгнутую кобуру.

Дядька замер, а я решил последовать примеру сослуживца и дёрнул хлястик собственной кобуры. Отвлёкся на это и не придавал значения шажку в сторону младшего из велосипедистов. Решил, что он захотел сместиться с возможной линии стрельбы, да только пацан вдруг растопырил пальцы, и с них на Фому перекинулась ослепительная дуга! Пулемётчик в самый последний миг перехватил разряд раскрытой ладонью, и всё равно его забросило в росшие на обочине кусты, да ещё отбитая молния не погасла, а отлетела ко мне целым ворохом ослепительных искр!

Я даже рот от изумления разинуть не успел, как получил удар в грудь, крутанулся волчком и рухнул за землю. Больно

не было, и даже получилось остаться в сознании, но руки и ноги непроизвольно дёргались, а мышцы пресса свело до такой степени, что едва не треснули рёбра. И – ни вдохнуть, ни выдохнуть.

А сердце? Оно вообще бьётся?!

Ужас обжёг почище куска раскалённого докрасна железа, это и заставило собраться. Я – оператор. А как поступают операторы, когда не знают, что предпринять? Верно! Обращаются к сверхсиле!

Я мысленно дотянулся до энергии, невероятным усилием воли втянул её в себя и принялся разгонять по телу, снимая спазмы, гася судороги и прекрасно осознавая, что привести себя в норму попросту не успеваю.

Лектор выпрямился с курносым револьвером в руке и сходу принялся палить в отброшенного на обочину Фому, но пули одна за другой теряли скорость и падали в траву в полуметре от пулемётчика. Второй паренёк тоже времени попусту не терял: он вытянул из заднего кармана брюк миниатюрный дамский пистолетик и уже бежал к нам, стреляя на ходу.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Бежал он к нам, а вот стрелял по Тимуру, только-только вырвавшемуся из транса. Первые три пули прошли мимо, и снайпер даже ухватил винтовку, но сразу выронил её и зажал ладонью простреленное плечо, а попадание в ногу и вовсе заставило его сначала упасть на одно колено, а потом зава-

литься на бок. Тогда гадёныш-велосипедист перешёл с бега на шаг и прицелился, явно ловя на мушку голову.

Приток сверхсилы к этому моменту худо-бедно погасил судороги, и я рывком вернул контроль над собственным телом, сел, схватил рукоять ТТ, точнее – схватить попытался, поскольку кобура оказалась пуста!

Парень резко развернулся и сходу пальнул, но от испуга и неожиданности поспешил, и пуля прогудела рядом с головой, ушла в молоко.

– Сука! – разочарованно выругался стрелок из-за вставшего на затворную задержку оружия и прыгнул к мотоциклу, где в креплениях оставался зажат мой пистолет-пулемёт.

Страх продрал нутро колючим клубком, и я среагировал бездумно, задействовал первую из пришедших на ум сверхспособностей, ну а поскольку последнее время до одури отработывал управление кинетической энергией, то и приложил парня импульсом. Толкнулся всей накопленной силой, будто раскрытой ладонью надавил!

Увы, в очередной раз подвела фокусировка, и стрелка не отшвырнуло от мотоцикла, а крутануло колесом, так что ноги взметнулись выше головы. На мою удачу, выход из салта получился куда жёстче, нежели у цирковых акробатов, и парня буквально воткнуло в землю, что-то хрустнуло, и он взвыл дурным голосом, на какое-то время выбыв из строя.

Я развернулся и обнаружил, что лектор валяется на дороге с простреленной головой, а Фома выбирается из кустов с та-

бельным пистолетом в руке. Последний из троицы нарушителей запустил в него шаровой молнией размером с крупное яблоко, но младший сержант каким-то очень уж небрежным хлопком отбил её в сторону и скомандовал:

– Руки вверх!

Сгусток энергии угодил в деревце и разметал его ствол в щепки, а юнец-оператор неуверенно попятился к подлеску, и тогда Фома предупредил:

– Стоять! Стрелять буду!

А я ничего говорить не стал, выдернул из креплений ППС, оттянул ручку затвора и дал длинную очередь поверх голов. Пацан мигом распластался на земле, и Фома упёрся в его спину коленом, заломил руки за спину и защёлкнул на тонких запястьях стальные браслеты наручников.

– Тимур ранен! – крикнул я, взяв на прицел гадёныша, который и подстрелил нашего снайпера. Тот уже перестал корчиться, но подняться на ноги покуда не пытался и лишь подвывал и придерживал вывернутое под неестественным углом плечо.

Младший сержант выругался и крикнул:

– Тимур! Ты как?

– Жить буду, – сипло отозвался снайпер, пытаясь зажать обильно кровоточившую рану в бедре.

Фома рывком за ворот заставил задержанного подняться, подвёл его ко мне и вновь уложил лицом вниз. Предупредил:

– Дёрнуты – стреляй по ногам, – а сам отбежал к Тимуру.

Покалеченный мною паренёк понемногу прекратил подвывать и едва уловимо напрягся. Я понятия не имел, оператор он или нет, поэтому среагировал предельно жёстко: пнул по вывернутой руке, заставив нарушителя повалиться обратно на дорогу, и прикрикнул:

– Лежать!

Но мог бы и не драть глотку: парень потерял сознание от боли.

Что ж – нашим легче. Никаких угрызений совести из-за чрезмерной жестокости я не испытывал.

Чрезмерная жестокость? О, господи ты боже мой! Да он мне голову прострелить хотел! Вот это – жестоко!

Фома тем временем ловко перебинтовал плечо Тимура и занялся его ногой, но только распорол штанину и сразу уточнил:

– Можешь диспетчеру наши координаты передать?

– Уже, – сдавленно просипел раненый снайпер. – Обещают прислать кого-нибудь...

Тогда младший сержант вытянул из петель свой кожаный ремень и, сложив надвое, велел Тимуру закусить его. После наложил руки на рану, и кровотечение замедлилось, но замедлилось лишь на мгновение, а затем алым начало плескаться куда сильнее прежнего, в ритме лихорадочных ударов сердца. Завалившийся на спину снайпер протяжно замычал, но ладно хоть ещё долго его мучения не продлились: почти сразу в красную лужицу упал комочек смявшегося при ударе о

кость свинца, и Фома принялся затягивать жгут. Закончил бинтовать и оглянулся на меня.

– Петя, твоего латать нужно?

– Потерпит! – заявил я в ответ и легонько двинул ногой вздумавшего пошевелиться оператора. – Лежи спокойно, пока пулю не схлопотал!

Младший сержант одёргивать меня не стал, достал из люльки вещевой мешок и устроил его под головой Тимура, после сказал:

– И вот ещё что, Петя! Уясни крепко-накрепко: ты – стажёр. Кто бы каких претензий не предъявлял, так и говори: «я – стажёр и выполнял приказы старшего группы». Понял?

Я кивнул, хоть ничего и не понял.

Претензии? Да какие тут могут возникнуть претензии?!

Но, как оказалось, могут и ещё какие...

Глава 4

За нами прилетел аэроплан. У меня чуть челюсть от изумления не отвисла, когда крылатая машина промчалась над головами, развернулась и пошла на посадку. Был этот двухмоторный самолёт с раздвоенным хвостом, который крепился непосредственно к крыльям сразу за двигателями. Заметно меньше десантного биплана, он легко и просто, как показалось со стороны, сел прямо на дорогу.

Помимо медика, сразу занявшегося Тимуром, из самолёта выбралась и пара десантников, уже знакомых мне по совместным тренировкам: кудрявый круглолицый старшина и подтянутый ефрейтор с веснушчатым смешливым лицом.

– Фома, как вас так угораздило? – полюбопытствовал старшина.

– Лучше даже не спрашивай, Ваня, – отмахнулся пулемётчик и крикнул: – Хмурый, мотоцикл прихватим?

Выглянувший в распахнутую дверцу кабины пилот с нашивками старшины вовсе не выглядел ни хмурым, ни смурным, и я предположил, что обратились к нему всё же по фамилии, а не по прозвищу. Он стянул с головы лётный шлем, огляделся и махнул рукой.

– Чёрт с вами, крепите!

Крепите?! И вновь я едва не обомлел от удивления. Десантники закатали мотоцикл под самолёт, захлестнули его

тросами и начали подтягивать к кабине. Сам я в этом действе участия не принимал, мне поручили караулить задержанных. К тому времени, когда медик-сержант закончил возиться с Тимуром и того погрузили на носилки, наше средство передвижения уже было самым тщательным образом закреплено и висело, не касаясь колёсами дороги.

– Воронеж! – крикнул вновь высунувшийся из боковой дверцы пилот. – Не отвалится он при посадке?

– Не, Киря, не отвалится, – уверил его старшина десантников. – Ты ж меня знаешь – не первый раз замужем!

– Ну смотри – с пехотуры спрос невелик, за всё ты отвечаешь.

– Не каркай!

Подошло время конвоировать в самолёт задержанных, и если пацан-оператор поплёлся к опущенной лесенке без пререканий, то покалечившийся при неудачном кульбите парень оказался тёртым калачом и принялся орать, что ранен и будет жаловаться. Пустое – Федя легонько ткнул его в плечо, и крики мигом перешли в приглушённый скулёж.

– Двигай! – распорядился младший сержант. – И молись, чтобы из самолёта не выпасть!

Тело псевдолектора положили на носилки, накрыли застиранной простынёй и понесли к аэроплану, а мне пришлось собирать велосипеды, которые никто тут бросать не собирался. Вот тогда-то я и вспомнил о пустой кобуре.

Ах ты ж, зараза! Ещё не хватало табельный пистолет по-

сеять!

Я подбежал к месту падения, принялся раздвигать ногами высокую траву и высматривать воронёный металл. Ходил-бродил и вконец отчаялся, когда углядел-таки оружие совсем не там, где рухнул на землю после удара молнией, а почти у деревьев. К этому времени меня успели пару раз окликнуть, поэтому к самолёту рванул чуть ли не вприпрыжку.

– Ты чего там копался? – спросил дождавшийся меня у лесенки Фома.

– Пистолет из кобуры вылетел, когда упал, – сознался я.

– А страховочный шнур тебе на что? – Младший сержант продемонстрировал кожаный витой шнурок, закреплённый на стальном колечке, продетом в отверстие на рукояти пистолета; петля на другом его конце была затянута на ремне. – Получи на складе! Понял?

– Получу, – пообещал я и полез по лесенке.

В кабине оказалось тесновато, рассчитана та была самое большее человек на десять, не считая пилотов. Я уселся на одну из двух лавок и первым делом вытянул магазин и снял с боевого взвода пистолет-пулемёт.

Закрутились, загудели пропеллеры, самолёт начал короткий разбег, и нас затрясло, едва с лавки не слетел, но вскоре колёса оторвались от земли, и мы взмыли в воздух, чтобы почти сразу резко пойти вниз. Миг снижения отозвался неприятной пустотой в животе, ладно хоть ещё пилот быст-

ро выровнял аэроплан, и дальше уже набор высоты шёл без неожиданностей.

Задержанного с вывернутым плечом крепенько приложило о стенку, и он глухо застонал, но Фома остановил поднимающегося с лавки медика и указал на меня:

– Глянь сначала бойца.

– Да вот ещё! Со мной всё в порядке! – фыркнул я, перехватил взгляды десантников и опустил взгляд на свой плащ. На груди в том обнаружилось с десятков прожжённых дырочек, кожа вокруг них чуть отличалась цветом от соседних участков.

Сержант медицинской службы велел снимать верхнюю одежду, тогда-то и выяснилось, что гимнастёрке тоже досталось, а вот у меня обошлось без серьёзных повреждений и ожогов, лишь покраснела кожа. Сразу после ранения я и в самом деле ощущал какое-то слабое жжение, но снял его привычным для себя образом: сначала наполнился сверхсилой, а после начал равномерно выдавливать её вовне.

Медик осмотрел меня и хохотнул.

– Вот вы, девятки, бронированные!

– Да это просто Петя в рубашке родился, – усмехнулся Фома. – И я фокусировку разряда нарушил, и плащ из добротной кожи пошит, принял часть энергии на себя.

Сержант лишь плечами пожал и занялся задержанным, а я откинул назад голову и зажмурился, гадая, удастся ли принять душ, перевести дух и перекусить, или сразу заставят...

ну не знаю... протоколы какие-нибудь составлять или объяснительные писать.

Наверное, и заставили бы, но после приземления на аэродроме мне даже толком мотоцикл осмотреть не позволили и велели лезть в карету скорой помощи с красным крестом на борту. И отнюдь не ради конвоирования задержанных – повезли в госпиталь на обследование, которое по счастью надолго не затянулось.

Упитанный дядечка-врач – тот самый, которому ассистировала в прошлый раз симпатичная Валя, опросил меня, осмотрел покрасневшую кожу и отправил в процедурную, порекомендовав напоследок сегодня не перенапрягаться. Теперь место поражения разрядом куда сильнее прежнего походило на ожог, выглядело припухшим и воспалённым, да ещё наметились рубцеватые прожилки, расплзшиеся во все стороны лучами асимметричной звезды, поэтому я не рискнул проигнорировать направление и отыскал нужный кабинет, где мне и нанесли на рану пахучую мазь, после чего наложили не слишком тугую повязку.

Ну и раз уж выпала такая оказия, я решил не упускать возможности заморить червяка и наведалься в столовую. Плотнотой ли пообедал, то ли уже поужинал, после чего и отправился в расположение. Сдал оружие и переоделся, а когда поднялся отметить в дежурку, начальник смены велел топтать в комендатуру.

Там на входе натолкнулся на Фому Коромысло; вид он

имел мрачный и взъерошенный.

– Как Тимур? – сразу спросил я, заподозрив, что дурное настроение пулемётчика вызвано ухудшением состояния нашего стрелка.

– Да что с ним будет? К концу месяца выпишут, поди, – заявил в ответ младший сержант, ухватил меня за пуговицу гимнастёрки и притянул к себе. – Слушай, я все углы сгладил, ты только не сболтни лишнего. Стой на том, что просто стажёр. Понял?

– Да понял! Понял! – Я высвободился и спросил: – Скажи лучше, кто это вообще был?

Фома пожал плечами.

– Рекрутёры зевнули, не отследили компрометирующие связи. У оператора из зимнего призыва дядя рецидивистом оказался, ну и подговорил того по-родственному на подработку. В Зимске они несколько дел провернули, а в прошлом месяце засветились по-крупному и в бега подались. Вот только пацан на пик румба ещё не вышел и способности начал терять, поэтому решили втихаря к Эпицентру подобраться, кретины.

Я кивнул. Так и есть – кретины.

Но это если нашу внутреннюю кухню знать, а вот человеку со стороны поддельный пропуск вполне достаточным условием успеха представляться может.

– Кстати, а ты чего всполошился-то? – спросил вдруг Фома.

– Сам не знаю, почему покойник знакомым показался. Может, на плакате «В розыске» его фотографию видел. Не знаю, – путано ответил я, да расспросов и не последовало.

Младший сержант подсказал номер кабинета, и я поднялся на крыльцо комендатуры с ещё меньше охотой, нежели шёл сюда до того. А всё потому, что ждал меня на разговор не кто иной как Олег Семёнович Друза.

Но деваться было некуда, добрёл до кабинета, постучался. Вопреки опасениям разговор пошёл в деловом ключе, дознаватель задавал толковые вопросы по существу, а я старался не мямлить и пусть немного скомканно, но всё же отвечал и особо при этом не запинаясь.

Олег Семёнович не торопил и не подгонял, сам постоянно делал какие-то пометки в блокноте и вёл опрос обстоятельной некуда, вникал буквально во все детали произошедшего. А потом взял и спросил:

– Почему в нарушение инструкций вы не прикрывали старшего группы?

Я аж глаза от изумления округлил, не сдержавшись.

– Да как же так? – возмущению моему не было предела. – Разве я не прикрывал?!

Дознаватель, постучал пальцем по своему блокноту.

– Согласно показаниям, вы не привели к бою табельное оружие и более того – вовсе не взяли его в руки.

В этот момент собеседник чем-то неуловимым напомнил Альберта Павловича: на вид такой же мягкий и дружелюб-

ный, а только ковырни – наткнёшься на сталь. Но, в отличие от институтского консультанта, Олег Семёнович куда хуже скрывал свою истинную натуру, слишком уж холодно и требовательно глядели его голубые глаза.

А с другой стороны – чего ему лицедействовать? Перед кем комедию ломать?

Передо мной? Так невелика птица!

Я бы наверняка смешался и запаниковал из-за неожиданного вопроса, точнее – и в самом деле смешался и запаниковал, просто вовремя вспомнил о предупреждении Фомы и заявил:

– Как стажёр, я выполнял распоряжения старшего группы и действовал в строгом соответствии с его приказами.

– И что заставило его отдать приказ, идущий вразрез с инструкциями?

– Не могу знать! – сказал я, а после небольшой паузы добавил: – Я ещё не сдал финальный зачёт по огневой подготовке, только получил допуск. Наверное, дело именно в этом.

Дознаватель недовольно покривился и принялся что-то помечать в блокноте, после вновь продолжил разбираться в случившемся, но, как ни старался, загнать меня в угол не сумел. Не могу сказать, будто ощущал за собой вину, вот только кое-какие нарушения всё же, как говорится, «имели место быть», и в качестве оправдания приходилось раз за разом ссылаться на свой статус стажёра.

В итоге собеседнику очень скоро наскучила эта игра в

кошки-мышки, он закрыл блокнот и завернул металлический колпачок авторучки, но меня не отпустил и сказал:

– А проясните-ка ещё один момент. По словам младшего сержанта Коромысло, именно вы первым заподозрили неладное и подали условный сигнал тревоги. С чем это было связано?

Никакой опасности для меня правдивый ответ не нёс, и я не стал ссылаться на плохую память, вместо этого сказал:

– Да просто лицо убитого знакомым показалось. Решил, что где-то видел его раньше, вот и забеспокоился.

– И почему же? – вкрадчиво спросил дознаватель. – Убитый предъявил документы лектора среднего специального энергетического училища, слушателем которого являетесь и вы. Разве не могли встречаться там?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.